

Елизавета Найт

Диагноз: Страсть

<https://litres.ru/74238779>

Аннотация

После смерти мужа моя жизнь превратилась в постоянное противостояние. Свекор пытается лишить меня имущества, брат мужа претендует на меня в постели. Но все меняет случайный пациент. С первого взгляда он раздражает и притягивает меня одновременно. Я ставлю нам диагноз: страсть. Вниманию! Данная книга содержит нецензурную брань, сцены эротического характера, распития спиртных напитков и табакокурения. История Дианы и Игоря в романе "Измена. Шанс на счастье" История Марины и Гогена в романе "СПАСИ МЕНЯ ОТ ОДИНОЧЕСТВА"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	41
Глава 7	49
Глава 8	58
Глава 9 Артем	69
Глава 10	75
Глава 11	83
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Глава 1

- Светлана Александровна? Не ожидал вас увидеть, снова, - его голос сочится ядом. А темные глаза загораются каким-то мрачным азартом.

- Я принесла ваш больничный, - вся моя уверенность быстро улетучивается, стоит мне увидеть его воинственный вид.

Густые брови взлетаю вверх. Он складывает руки на груди, опираясь плечом о дверной косяк.

- Вы не пригласите меня? – мну в руках злополучную бумажку.

Несколько бесконечных секунд длится молчание. И когда я уже начинаю думать, что вообще зря пришла, он отлепляется от двери и молча разворачивается. Вот сейчас передо мной захлопнется дверь.

- Проходите, чего застыли? – бросает он мне через плечо.

Я неуверенно переступаю через порог, невольно рассматривая своего бывшего пациента.

Темные волосы небрежно зачесаны назад, рельефный торс обтянут светлой футболкой, на бедрах низко висят простые светлые спортивные штаны.

- Вы внутри, - он разворачивается и разводит руками.

Протягиваю ему конверт с больничным и рекомендациями. Он небрежно выхватывает его и, не открыв, бросает на

тумбочку.

- Я не знал, что ваша клиника предоставляет такие услуги,

- резко говорит он.

Болезнь еще не отступила, я вижу, как впали его щеки, вижу бледную кожу и нездоровый румянец. Впрочем, я это замечаю, потому что врач и потому, что знаю диагноз. В остальном передо мной стоит здоровенный мужчина во всех смыслах.

- Я бы хотела принести извинения... - отрепетированная речь вылетает из головы, и я могу только лепетать в ответ.

- Извинения??? За то, что чуть не убили меня? – его глаза полыхают.

- Я не...

Он не дает мне договорить.

- А теперь думаешь, что пришла с извинениями и все будет хорошо? Нет, доктор, - это слово он выделяет особой интонацией, - не будет.

- Наша клиника полностью возместит вам стоимость лечения и ...

- Ваша клиника может отправиться к черту вместе с деньгами, - он сверлит меня сердитым взглядом, а я боюсь поднять на него глаза.

Я не ожидала такой встречи и такого напора.

- Знаешь, что, доктор, я, пожалуй, завтра заеду к вам, общаюсь с кем-нибудь из руководства, оставлю отрывок о вашей работе, - его слова должны обидеть и испугать меня. Но

вместо этого я беру себя в руки.

- Не утруждайтесь. Можете написать все, что хотите прямо сейчас.

- А ты любезно передашь это руководству клиники? – он зло улыбается.

- Я исполняю обязанности заместителя главного врача по нетрудоспособности, - вскидываю подбородок.

Мужчина делает шаг ко мне, наклоняется и зло бросает:

- И как смотрит на это ваш хозяин?

Меня обдаёт запахом алкоголя. Он пьян? Ему же нельзя сейчас пить!

Стараюсь отстраниться.

- Я являюсь совладельцем клиники «Эскулап», - чеканя каждое слово, заявляю я.

- И с кем тебе пришлось переспать, чтобы из посредственно врача стать совладельцем?

В тишине прихожей раздаётся звонкая пощечина, руку простреливает от нестерпимой боли. На бледной мужской щеке начинает наливаться алый след.

Пространство резко сужается, во всей вселенной мы остаемся вдвоем. В опасных карих глазах вспыхивает ураган эмоций, среди них успеваю заметить ярость, страсть и боль. Его грудь вздымается от тяжелого дыхания. Он стоит так близко, что мое пальто задевает его.

Я замираю, не понимая, как могла допустить подобное. Я ведь пришла поговорить, извиниться, исчерпать конфликт...

Мужчина стоит, не шелохнувшись, и молча разглядывает меня. В темных глазах горит опасное пламя. Потом он переводит взгляд на губы. Я непроизвольно облизываю их от волнения. Вижу, как его зрачки резко расширяются.

Он сглатывает.

Надо бы извиниться и уйти, но я не могу. Я стою и смотрю на этого странного мужчину, который вот уже несколько дней занимает мои мысли.

Карие глаза прикрываются, его ноздри трепещут, мужчина покачивается и резко наклоняется ко мне. Я боюсь, что он упадет, и обхватываю его руками. Меня окутывает запах мужчины: дурманящий, терпкий, соблазнительный.

Я практически утыкаюсь ему в грудь, крепко обхватив могучую фигуру руками. Не успеваю я сделать вдох, как внутри рождается странное чувство предвкушения.

Неожиданно чувствую на спине его ладони, они гладят, скользят по кашемировой ткани. Поднимаю лицо и тону в его безумном взгляде, есть в нем что-то опасное и завораживающее одновременно.

Стараюсь отвернуться.

- Не смотрите на меня так, - тихо прошу. Голос изменяет мне.

- Как? – чувствую на виске его горячее дыхание, улавливаю терпкость алкоголя. – Как «так»?

Его губы едва касаются моей щеки, в ответ вдоль позвоночника пробегает волна возбуждения. Сердце пропускает

удар.

Легкий поцелуй в щеку и губы скользят дальше. Длинные пальцы оттягивают платок, и мужчина прикусывает кожу на моей шее.

Сердце начинает стучать как бешеное. Мысли путаются. Кожа на шее горит огнем. Внутри рождается давно забытое чувство возбуждения и собирается между ног огненной волной.

Он быстро стягивает с меня пальто и отбрасывает в сторону. Его рука продолжает освобождать мою шею для его поцелуев, попутно поглаживая большим пальцем.

Я выбиваюсь в его руках, откидывая голову и подставляя шею навстречу его губам. Он скользит все ниже, оставляя после себя цепочку из поцелуев.

Добравшись до ямки над ключицей, он проходится по ней языком, отчего я стону в голос. И прикусывает нежную кожу. Между ног пульсирует жидкий огонь.

Я поднимаю безвольные руки и кладу их на широкие плечи. Меня обжигает жар его тела. У него опять температура?

Под тонкой тканью мышцы напрягаются от моих касаний, превращаясь в сталь. Хочу прикоснуться к нему, хочу почувствовать его кожу на кончиках пальцев. Слабо представляя, что делаю, тяну на себя его футболку. На секунду он отрывается от меня и резко сдергивает ее с себя. Футболка улетает вслед за моим пальто.

Я не смею поднять глаза. Смотрю на рельефное тело, про-

вою пальцами по груди. Он шумно втягивает воздух. Грудные мышцы напрягаются.

Мужчина рычит и подхватывает меня под ягодицы. Ощуаю спиной прохладную поверхность стены.

Наши лица находятся на одном уровне. Лишь секунду я смотрю в его затуманенные страстью и алкоголем глаза и сама тянусь к губам. Плевать. Я хочу его здесь и сейчас, а потом будь что будет.

Едва успеваю коснуться его губ, как он обхватывает мои губы, жадно целует их. Прикусывает нижнюю губу, втягивает ее, и снова кусает. До боли. До вскрика.

Его язык врывается в мой рот. Ощуаю горечь и пряность алкоголя. Он проходится по моим зубам, небу, сплетается с моим языком. Потом начинает вытворять что-то невообразимое, пропихивая язык все глубже в мой рот и тут же вынимая обратно. Он как будто трахает меня языком.

Я обмякаю в его руках, хватаюсь за мощные плечи, боясь упасть. Сильнее обвиваю его ногами за талию.

Одной рукой он продолжает придерживать меня за ягодицы, сжимая и поглаживая их. Другой тянет вверх край платья. Мягкая ткань ползет вверх, лаская мое тело.

Кожи поясницы касается горячая ладонь. Она то поглаживает, то сминая мою кожу. Захлебываюсь от бури ощущений – его рука прошла по моим трусикам между ног. Сначала легко и невесомо, отчего заныло внизу живота. После уже с нажимом, быстро и резко он гладит мое белье и меня.

По телу пробегает судорога, в груди разливается тепло и резкой волной опускается ниже.

Его губы обхватывают мое ухо. Влажный горячий язык проходится по всем завиточкам и устремляется к слуховому проходу. Кусаю губы.

Он резко стягивает с меня трусики вместе с колготками. А потом приспускает свои штаны, освобождая член.

Вместе с резкой болью он врывается в меня.

Глава 2

Уткнувшись лбом в стену, мужчина замирает.

- Не думал, что ты девственница, – рычит он.

Я напрягаюсь в его руках.

- Нет, не девственница... - шепчу в ответ. Просто очень давно не было мужика. Но ему это знать необязательно.

- Расслабься, - не просьба, скорее приказ.

Он дает мне время привыкнуть к его размеру, расслабиться. А сам нежно поглаживает мою задницу.

Глубоко вдыхаю и стараюсь удобнее устроиться в его руках и на его члене. Мужчина чувствует это и начинает медленно двигаться мне навстречу.

Я чувствую, как его твердый член раздвигает стенки влагалища, пропихиваясь все глубже и глубже. Боль стихает, оставляя остроту ощущений.

Мужчина вжимает меня в стену, не давая возможности двигаться.

Медленные и осторожные движения становятся быстрыми и требовательными. С каждым новым толчком он буквально насаживает меня на свой член. Маленькая прихожая заполняется звуком шлепков и страстью разгоряченных тел.

Чувствую, как его мощный член скользит во мне, покрытый смазкой. Он перехватывает мои ноги и ускоряется.

Теперь его бедра вдавливают член в меня. Я хватаюсь

за его плечи, покрытые бисеринками пота. С каждым толчком возбуждение разрастается, заполняет меня. Низ живота и промежность плаваются под его резкими движениями.

Я кричу и молю не останавливаться.

На коже ощущаю его горячее дыхание. Сама же забываю дышать. Кровь стучит в висках.

С каждым новым движением я чувствую приближение разрядки. После очередного мощного толчка тело прошивает волной неожиданного наслаждения. Я начинаю дрожать в крепких руках. Громкий крик тонет во всхлипах.

Несмотря на мою разрядку, мужчина продолжает меня трахать. Его движения ускоряются. Мои ягодицы бьются об стену.

Рывок и мужчина замирает, упираясь влажным лбом мне в плечо. По его телу проходит судорога наслаждения. Я чувствую ее. Внутри меня подрагивает его член. Пульсирующее влагалище плотно обхватывает его.

Замерев, он глубоко дышит. Его мышцы под моими руками по-прежнему напряжены.

Я и сама стараюсь отдышаться после такого.

Он отпускает мои ноги. Соскальзываю по нему на пол. Мы стоим, не глядя друг на друга.

Я осторожно пытаюсь вырвать свое платье из плена его рук и одернуть.

Вскрикиваю от неожиданности. Он подхватывает меня на

руки и несет куда-то.

Щелкает выключатель, и меня опускают на теплый кафельный пол.

Удивленно оглядываюсь. Мы в огромной ванной комнате. Мягкий свет отражается в большом зеркале, рассыпая вокруг миллион зайчиков. На крючках висят белоснежные пушистые полотенца. На полочках и бортиках душевой теснятся флакончики.

Поставив меня, мужчина разворачивается и нетвердой походкой направляется к душевой кабине. Раздается звук падающей воды.

Как он смог донести меня сюда, если плохо стоит на ногах?

Оглядываюсь и замечаю свое отражение в зеркале. Растрепанные волосы, лихорадочно горящие глаза и припухшие от жарких поцелуев губы.

Поворачиваюсь и замираю. Назаров смотрит на меня. Его глаза по-прежнему отражают безумную неудовлетворенную страсть.

- Раздевайся, - хрипит он.

- Я... - собираюсь сказать, что мне надо уйти, что все это было ошибкой, но не успеваю.

Он подходит ко мне, поддевает подбородок и заставляет посмотреть на него.

- Тебе надо освежиться и мне тоже.

- Ты хочешь сказать, что мы вместе?..

Не тратя больше времени на разговоры, мужчина стягивает с себя домашние штаны. И мне требуется все свое мужество и выдержка, чтобы удержать челюсть на месте. Он не носит трусы. Или это так удачно совпал момент?

Прямо передо мной возвышается хорошо сложенный гигант, с широкими плечами, рельефным торсом и аппетитными кубиками на прессе. Крепкие ягодицы напрягаются, а прямо передо мной подрагивает от возбуждения и желания огромный член. Он реально огромен. Не понимаю, как он не разорвал меня?

Не могу оторвать взгляд, сглатываю и облизываю губы. Член дергается, мошонка собирается, приподнимая яички вверх.

Резко перевожу взгляд. Мужчина смотрит на меня, конечно, он заметил мое внимание. И ему оно нравится, я вижу это по его лицу.

И мне нравится то, что я вижу. Глупо обманывать себя. От представившейся картины возбуждение снова окатывает меня жаркой волной, замирая между ног.

Он медленно подходит ко мне и кладет горячие ладони на мои ягодицы. От его прикосновения жар разливается по моему телу. Торопливо он тянет шерстяную ткань вверх, она скользит по моему разгоряченному телу, возбуждая.

Платье летит на пол, волосы рассыпаются по плечам золотым водопадом.

Осторожно мужские пальцы убирают прядь с моего лица

и запроваляют за ухо. Секунду мы смотрим друг на друга. А потом он наклоняется и целует меня.

Раскрываю губы ему навстречу, жадно провожу языком по кромке.

Его руки впиваются в мои плечи и притягивают к крепкому телу. А после перебираются мне на спину, гладят, поддерживают. Чувствую, как лямки бюстгальтера спадают с плеч, а грудь вырывается на свободу. Страхиваю с себя ненужную вещь. От свежего воздуха и возбуждения соски напрягаются.

Его жадные губы оставляют мой рот и скользят вниз. Целуют угол рта, подбородок. Он собирает мои волосы в кулак и тянет вниз, заставляя откинуть голову. А сам впивается в шею. Я вздрагиваю от остроты его поцелуев. По коже пробегают мурашки.

Его губы жадно и с каким-то остервенением прокладывают дорожку из поцелуев ниже. Наконец, он добирается до груди и обводит кончиком влажного языка напряженную горошину.

Я вздрагиваю и выгибаюсь ему навстречу. Запускаю пальцы в густые волосы.

Он облизывает сосок, заигрывает с вершиной. Жар его дыхания и прохлада окружающего воздуха превращают игру в сладостную муку.

Каждое касание влажного языка отзывается в животе.

Его ладони скользят по моей обнаженной спине, поглаживают поясницу, опускаются на бедра. Мнут и гладят их. А

после, подхватив край колгот и нижнего белья, стягивают их вниз, освобождая меня.

Подхватив на руки, он опускает меня уже под горячими упругими струями душа.

Поднимаю лицо навстречу воде. Ощущаю, цветочный аромат и легкую прохладу геля на своем плече.

- Повернись, - сильная рука заставляет меня развернуться к стене.

Он умело и нежно скользит ладонями по моей коже, взбивая густую пену. Массирует напряженные плечи, проходится вдоль позвоночника, опускается на ягодицы.

Упираюсь руками в прохладный кафель, боясь упасть. Ноги дрожат.

Ощущаю, как одна его ладонь поглаживает меня по заднице, пробирается вперед. Другой рукой он поглаживает свой член, усиливая возбуждение. Его рука плавно опускается по моему бритому лобку вниз. Я закусываю губу и откидываю голову ему на плечо.

- Раздвинь ноги...

Глава 3

Мужская рука требовательно вторгается между моих ног, заставляя развести их. Пальцы проходятся по нежной коже, отчего я вздрагиваю. Ноги дрожат, боюсь упасть, но он крепко держит меня.

Мягкими движениями он гладит меня по промежности, надавливая чуть сильнее и касается клитора. Шумно вдыхаю. О, это так приятно.

Кровь устремляется вниз, пульсирует, плавит меня.

Струи воды стекают по нашим телам.

Его пальцы зажимают нежную плоть клитора и мягко, но настойчиво гладят.

Ощущаю спиной его твердую грудь.

Он не прекращает поглаживать меня, ускоряется. Все мое напряжение скатывается вниз.

Только бы не останавливался. Я не замечаю, как начинаю стонать.

Мужчина обхватывает меня левой рукой, прижимает к себе и ускоряется. Его пальцы уже не гладят, они терзают мою плоть. Умелые круговые движения по клитору быстро приближают развязку.

Замираю в его руках и задерживаю дыхание. Вот сейчас... еще чуть-чуть...

Вскрикиваю и выгибаюсь в его руках. Он крепко держит

меня, пока судороги наслаждения скручивают мое тело. Перед глазами все плывет, в голове шумит. Глубоко и часто дышу.

- Понравилось? – шепчет он.

В ответ я могу только кивать. Во рту пересохло, голос не желает подчиняться.

- Вот и хорошо, - его губы скользят по моей шее.

Ощущая спиной горячую головку возбужденного члена. Она скользит вниз, проходится вдоль ягодиц, слегка касаясь ложбинки между ними. Крепкие руки требовательно заставляют меня выгнуться и оттопырить задницу.

Член скользит вниз по моей коже, замирает у входа во влагалище, мягко трется о влажную кожу. И, наконец, врывается внутрь.

Стараюсь плотнее прижаться попой к мужчине за своей спиной. Вобрав возбужденный член в себя по максимуму. В ответ слышу довольное рычание.

На этот раз он не дает мне времени привыкнуть к нему. Обхватив мою талию руками, он резко проталкивается внутрь, скользит, проникая все глубже или почти покидая меня.

Уперевшись руками в стену, я стараюсь подстроиться под его ритм. В небольшой комнате сливаются наши стоны, шум льющейся воды и шлепки разгоряченных тел.

Его пальцы до боли впиваются в мое тело, направляя, заставляя подчиниться его желаниям.

Мое тело вздрагивает, грудь вздымается, возбужденные соски трутся о прохладный кафель. Упираюсь лбом в стену, стараясь сохранить равновесие.

Его ягодицы вдавливают в меня член все быстрее и быстрее. Я уже почти не различаю движений внутри себя, только ощущаю подходящую волну наслаждения. Тело прошивает мощный импульс, от влагилица к каждой клеточке разнося эйфорию. Тело сотрясается в мелкой дрожи, между ног пульсирует кровь.

Мужчина продолжает трахать меня, заботясь о своей разрядке. Его темп ускоряется. Чувствую, как по моей заднице ударяется его лобок, а ног касаются яички.

Последний рывок и он прижимает меня к себе, а сам вздрагивает и хрипло рычит. Чувствую, как подрагивает во мне его член, изливая сперму.

Заслонив собой водный поток, он целует меня в шею и выходит из меня.

- Тебе дать время? – хриплым голосом говорит он.

- Да, - шепчу в ответ.

- Я буду в комнате, - он отпускает меня. На секунду в душевую кабинку врывается прохладный воздух, холода и будоража. Хлопают створки, отрезая меня от мира, и я остаюсь одна.

Горячая вода стекает по моему телу, ноги дрожат, и я опускаюсь вниз.

Несколько минут я просто сижу под упругими струями,

пытаюсь восстановить дыхание и унять дрожь.

Что это было?

Я только что трахалась со своим пациентом. Бывшим – подсказывает мне внутренний голос.

Не важно, он мой пациент, к тому же нездоров.

Не понимаю, что со мной происходит.

Я сожалею о случившемся? Врать себе не имеет смысла. Нет, я не сожалею.

При воспоминании о крепких руках на моем теле, горячих поцелуях и возбужденной плоти низ живота опять скручивает от желания. Длительное воздержание не пошло мне на пользу. Но как же это было круто.

Поднимаюсь на ноги, придерживаясь за стену.

Пяти минут мне хватает, чтобы смыть с себя следы страсти.

Подхватываю с вешалки пушистое полотенце и тщательно вытираюсь, мимоходом бросая взгляд в зеркало.

Косметика смылась, теперь из него отражалось мило личико с горящими глазами и выражением озабоченности.

Фена я ни заметила, поэтому растерев волосы полотенцем, собрала их в высокий пучок. Накину платок, не страшно. Внизу меня ждет машина.

Слава богу, все мои вещи валяются вокруг меня на полу в беспорядке. Быстро облачаюсь и дрожащими руками направляю несуществующие складочки на шерстяном платье. Впереди самое трудное – выйти к нему и поговорить. Что я

ему скажу?

Оглядываюсь вокруг, все расставлено по местам, я ничего не забыла. Кладу ладонь на дверную ручку и мягко надавливаю. Раздается щелчок, и я выхожу на цыпочках в коридор.

В квартире тихо. Не решаюсь позвать его. Просто тихо иду в комнату.

На огромной кровати, раскинув в сторону руки и ноги, лежит Назаров.

Он тоже успел одеться. Светлые штаны соблазнительно обтягивают крепкие мужские ноги. Никогда не думала, что слово «соблазнительно» можно применить к мужчине. К такому – можно.

Белая футболка приподнялась, открывая моему взгляду безупречные кубики пресса.

Его грудь размеренно вздымается, голова повернута на бок, глаза прикрыты.

В тишине слышится сопение.

Я осторожно подхожу ближе и зову его по имени.

Он не реагирует. Болезнь, алкоголь и секс-марафон измотали его, он крепко спит.

Ну что ж, может, это и к лучшему.

Осторожно, стараясь ничего не задеть, пробираюсь в коридор.

На полу валяется моя сумка и пальто. Подхватываю платок и прячу под него мокрые волосы, вынимаю из сумки очки, натягиваю их на нос. Сама не знаю зачем, наверное, хочу

скрыть от секьюрити на входе отсутствие косметики и шальной блеск в глазах.

Хочу пить, во рту пересохло. На цыпочках пробираюсь на кухню и случайно задеваю бутылку на полу. Со звоном и грохотом она падает и катится по кафелю, разливая крепкое содержимое. Замираю, ожидая услышать его голос. Но в квартире тихо. Я стою так еще несколько секунд, все по-прежнему тихо.

Наклоняюсь поднять бутылку, замечаю и другие. Сколько же он выпил? Одна, две, четыре...

Поднимаю упавшую и разглядываю этикетку: шотландский виски. Не хило.

В коридоре еще раз замираю и прислушиваюсь. Из комнаты раздается легкий храп.

Да, так лучше для нас обоих.

Набрасываю пальто, подхватываю сумку и оглядываюсь. На тумбе валяется конверт с больничным и рекомендациями. Недолго раздумываю и запихиваю его в сумку. Придирчиво осматриваю прихожую, других следов моего пребывания нет.

Пусть для него это все останется только пьяным сном.

А я буду помнить всегда.

Глава 4

Несколько дней назад

- Света, зайди ко мне в кабинет, - требовательно звучит голос главного и по совместительству моего свекра из телефонной трубки.

Ничем хорошим по обыкновению это закончиться не может. Он, конечно, не дожидается моего ответа и бросает трубку. Слышу короткие гудки.

Откладываю в сторону стопку недописанных историй болезней, бросаю на стол ручку. Снимаю очки и потираю переносицу. Надеюсь, с моим вчерашним пациентом все хорошо. Дежурство прошло, мягко говоря, не очень хорошо.

Поднимаюсь из-за стола, расправляю халат и выхожу из кабинета.

Меня встречает просторный кипенно-белый коридор со стойким запахом дезсредств. Несколько пациентов ожидают своей очереди перед кабинетами моих коллег. Моя смена закончилась еще полчаса назад, но я по обыкновению все перепроверяю, дописываю, подписываю и снова перепроверяю.

Прижав одной рукой стопку уже написанных историй, поднимаюсь на четвертый этаж, в стационар.

- Надежда Евгеньевна, остальные истории принесу позже, я их еще не написала, - кладу перед медсестрой на посту ис-

тории. – Игорь Михайлович у себя?

- Был у себя, - кивает мне в ответ медсестра, приятная женщина средних лет. На ней безупречно сидит отглаженный и накрахмаленный халат, волосы убраны под медицинский колпак.

Отличительная особенность нашей клиники – это строгий контроль за внешним видом всех сотрудников. У нас своя прачечная и строгая сестра-хозяйка. Всю медицинскую форму наши сотрудники получают на месте, не таская баулы с грязными халатами и пижамами домой.

Остановившись у двери, стараюсь унять дрожь в пальцах. За семь лет я так и не привыкла к общению со свекром. Делаю глубокий вдох. Вскидываю взгляд.

«Главный врач Воронцов Игорь Михайлович» - гласит табличка.

Мне сложно смотреть на нее. Раньше здесь висела другая, очень похожая, но все же.

«Главный врач Воронцов Дмитрий Игоревич». Прошло три года, но мне все равно каждый раз сложно подниматься сюда и заходить в ЕГО кабинет. Боже, три года как Димы нет со мной.

Закусываю губу, стараясь сдержать слезы, сжимаю кулаки до боли и стучу.

- Войдите, - раздается слишком быстро и резко. Свекор уже ждет меня.

- Здравствуй, Игорь Михайлович, - в упор смотрю на еще

не старого мужчину. Среднего роста и телосложения, ухоженный и всегда гладковыбритый. В идеально отглаженной медицинской пижаме, поверх которой накинут белый халат.

Мужчина поднимает на меня тяжелый взгляд. Уверена, он репетировал. Сколько же внутри него ненависти ко мне. Хотя обычно он ее тщательно скрывает.

- Присаживайся, Света, - он жестом указывает мне на стул. Его губы сжимаются в тонкую линию, а в темных глазах разгорается опасное пламя.

Присаживаюсь молча, не понимая пока, о чем пойдет речь.

Напряжение растет. Свекор сверлит меня злым взглядом, на его щеках ходят желваки.

- Игорь Михайлович, ты мне что-нибудь скажешь или я уже пойду? – устало спрашиваю я.

Я уже семь лет ношу фамилию Воронцова и столько же работаю в этой клинике, за эти годы как-то так сложилось, что к свекру со свекровью я обращаюсь на «ты».

У меня выдалась тяжелая неделя, много пациентов, три дежурства почти подряд. Я валюсь с ног от усталости.

Мои слова выводят мужчину из задумчивости. Он молча подхватывает планшет, разблокирует экран и что-то открывает.

- Как ты это объяснишь? – он протягивает мне гаджет.

Бросаю взгляд на экран и на фото вижу себя. Странно, кому понадобилось это снимать. Вчерашнее дежурство. Я за-

хожу в палату к больному, тому самому, проблемному.

Он лежи на постели, прикрыв глаза.

И что? Я перевожу вопросительный взгляд на свекра.

- Листай, - требует он.

Следующая фотка действительно выглядит уже не так буднично. От ее вида у меня холодеют руки, я призываю все свое мужество, чтобы сохранить лицо.

Я сижу верхом на пациенте, он держит меня за руки, притягивая к себе. Его голова запрокинута, лицо тянется навстречу моему. Кажется, что он ждет страстного поцелуя.

Собираюсь вернуть планшет, но свекр хмурится и жестом предлагает продолжить листать. Я уже догадываюсь, что увижу на следующей фотке.

Судорожно сглатываю и провожу пальцем по экрану. На следующей фотке, я, выгнувшись, упираюсь мужчине в грудь, а он в порыве страсти рвет на мне рубашку медицинской пижамы.

«Удачный» ракурс: мужская рука сжимает в кулаке край моей одежды, из разодранного ворота торчат обрывки кружевного бюстгалтера. Но еще хуже попавшая на снимок моя обнаженная грудь с темной горошиной соска.

- Нет, – шепчу я, в ужасе глядя на экран.

Очень быстро ужас переходит в мучительное чувство унижения. Поднимаю руку и прикрываю рот, чтобы не закричать. Как мерзко все это выглядит. В реальности и близко не было того, что изображено на фотографиях. Кошмар...

- Я могу объяснить, - голос подводит меня. Быстро свернув приложение, отбрасываю от себя планшет.

- А что тут объяснять? – свекр вопросительно вскидывает бровь. Кроме злости в глазах я вижу мрачное торжество на его лице. Он рад, что подловил меня, изобличил, унизил, окунул головой в грязь. Именно такой он меня и представляет себя с первого дня нашего знакомства.

- Ты привела в мою клинику своего любовника и развлекалась с ним всю ночь вместо дежурства, - он выплевывает слова.

- Игорь Михайлович, ты на утреннем собрании присутствовал? Я докладывала, что пациенту ночью стало плохо, у него был анафилактический шок! – вскакиваю со стула и упираюсь руками в столешницу.

- Я запросил документы по нему, - он хлопает по стопке на краю стола. – Он вчера днем был у тебя на приеме. А до этого поругался с регистратором, требую именно тебя.

- Я ничего не знаю об этом... - я растеряна, но по-прежнему уверена в себе.

- Зато я знаю. Ты осматривала его днем, ты госпитализировала его в отделение и ты пришла на дежурство в ночь, чтобы покувыркаться с ним, - голос свекра гремит подобно грому.

- Бред! Я вызвала реаниматолога и передала ему пациента в тяжелом состоянии!

- Олег Федорович сказал, что пациент не нуждается в ре-

анимации.

- Конечно, пока он пришел, я уже успела уколоть адреналин и преднизолон. А если бы Олег Федорович шел еще медленнее, то возможно и выписать пациента с выздоровлением! – неосознанно я повышаю голос, он звонко разносится по кабинету.

- Мы сейчас говорим не о нем, а о тебе, - наседает мужчина.

- Я все записала в историю, расписала состояние пациента по минутам...

- Да ты могла все, что угодно написать! – свекр вскакивает, его ноздри раздуваются, а руки сжимаются в кулаки.

- Не веришь? Посмотри записи с камер наблюдения! – я принимаю воинственную позу. Не дам смешивать меня с грязью, тем более я не виновата.

- Я так и сделаю! – ревет он мне в ответ.

Разворачиваюсь, не желая выслушивать этот бред и дальше.

- В следующий раз сначала изучай факты, а потом вызывай меня, - бросаю начальнику через плечо.

- Не дай бог, эти снимки увидит Марта, - слышу я предупреждение в его голосе.

Марта, моя свекровь. Хорошая и нежная женщина. К сожалению, очень больная. У нее врожденный порок сердца и не один. Чудо, что в свое время она смогла выносить и родить двоих сыновей. Но здоровья ей это не прибавило. А гибель

Димы подорвала его окончательно. Игорь Михайлович делает все возможное и невозможное для нее. Но этого мало. Жизнь по капле утекает из нее.

Ей нужна пересадка сердца, но Марта категорически отказалась собирать документы и сдавать анализы. Мотивировала тем, что есть более молодые люди, которым это сердце нужнее, чем ей. Она так решила. И ни мои уговоры, ни требования мужа не смогли заставить ее изменить решение.

Останавливаюсь и, не разворачиваясь, бросаю.

- Если ты ей не покажешь, она не узнает!

Громко хлопаю дверью за собой. Прислоняюсь спиной к прохладной стене в коридоре и со всей силы ударяю по ней руками, сжатыми в кулаки. Делаю глубокий вдох.

Мне надо хотя бы пару секунд, чтобы успокоится, а потом я решу, что делать дальше.

С поста на меня удивленно смотрит дежурная медсестра. Вымученно улыбаюсь ей.

Отлепляюсь от стены и пытаюсь скрыться в ближайшем кабинете. Пусть это будет ординаторская, кофе мне сейчас не повредит.

Кто вообще мог это заснять? Всю дорогу это вопрос не дает мне покоя. Это точно не с камер наблюдения, коих полно в нашей клинике – ракурс не тот.

Глава 5

Влетаю в ординаторскую.

Открываю настежь окна, стараясь прогнать мерзко-при-
торный запах духов Веры Юрьевны.

Ставлю локти на стол и с усилием тру лицо руками. Боже,
за что мне все это? За что?

Надо собраться и подумать.

Вчерашний день с самого утра пошел наперекосяк. Не
прозвеневший будильник, отсутствие горячей воды. И это в
центре города, в элитном доме, без предупреждения. В до-
вершение ко всему села батарейка в сигналке, и я скакала
вокруг машины, умоляя ее открыться.

На работе меня уже ждали озлобленные ожиданием паци-
енты.

Кое-как удалось уладить ситуацию, хорошо Игоря Михай-
ловича с утра не было в клинике. А то бы он ткнул меня ли-
цом и в это.

Ближе к обеду прием пошел в нормальном ритме. Ниче-
го необычного. Кроме того самого пациента. Назаров Артем
Юрьевич.

Меня сразу что-то в нем насторожило. Может, странный
блеск в глазах, а может, его подавляющая все вокруг аура.

С самого момента, как он вошел в кабинет, пространство
вокруг сжалось, даже воздуха как будто стало не хватать. Ни-

когда не ощущала такой мощи от собеседника, а он даже еще ничего не сказал.

Закрываю глаза, чтобы представить себе картинку во всех деталях.

- Здравствуйте, вы Назаров Артем Юрьевич? – сверяясь с компьютером, спрашиваю я.

Отвечает мне тишина.

Поднимаю удивленный взгляд на посетителя. На меня смотрят большие темные глаза.

- Да, - наконец говорит он. – Когда будет врач?

Я удивленно вскидываю брови:

- Врач? Вообще-то я ваш врач. Вы записались на прием ко мне, Воронцова Светлана Александровна, к вашим услугам.

Стараюсь изобразить милую улыбку. А в ответ получаю недовольную гримасу. Темные глаза пристально разглядывают меня, кажется, проникая под кожу. Мне становится неловко.

- Сколько вам лет? – резко бросает он мне.

Что?

- Это не относится к делу. Присаживайтесь, - рукой указываю на стул.

- Я задал вопрос, - мужчина требует ответа, продолжая стоять на месте.

- А я вам сказала, что эта тема не для обсуждений на моем приеме, - поднимаю голову и встречаю рассерженный взгляд. Вот сдался ему мой возраст.

- Приема не будет, - заявляет мужчина.

Не могу сдержать удивления.

- Могу я спросить почему?

- Потому что когда мне вас рекомендовали, коллеги забыли сказать, что вы студентка! – его темные глаза горят непримиримым огнем.

- Я не студентка. Я дипломированный, сертифицированный и квалифицированный врач, - стараюсь приглушить голос, и не дать прорваться раздражению. Клиент всегда прав.

- Неужели? – его бровь иронично изгибается, а голос полон желчи. – И давно?

- Достаточно, - я снимаю очки и отставляю ноутбук. Внутри начинает расти раздражение. Скорее всего, мы не договоримся. Приема не будет.

- Я хочу другого врача, более взрослого, опытного.

- Хорошо, - я снова всматриваюсь в монитор, открываю программу и просматриваю все возможные варианты, - завтра во второй половине дня. В четыре или в шесть?

- Мне надо сейчас!

- Сейчас все врачи заняты, мы работаем по предварительной записи, - мой голос принимает будничным тон. Я говорю давно заученную фразу.

- Мне надо сейчас... - мужчина сглатывает и пошатывается.

Только сейчас я понимаю, что блеск в его глазах вызван болезнью. Замечаю, как скатывается по его виску капелька

пота. Мужчину всего мелко трясет, у него озноб.

Я быстро подхожу к нему. Мне приходится приложить усилия, чтобы усадить его на стул.

- У вас температура,- я ощущаю под руками неестественно горячее тело. Тонкая ткань рубашки не может скрыть жар.
– Держите градусник.

Зажав градусник, мужчина откидывается на стуле и прикрывает глаза. А я могу его рассмотреть.

Высокий, крупный, немного за тридцать.

Мужественные черты лица, высокий лоб и мощный подбородок с трехдневной щетиной. Хотя я не удивлюсь, если этой щетине всего несколько часов.

Сейчас его лицо выглядит неестественно бледным, только на щеках все ярче проступает лихорадочный румянец.

Пухлые губы приоткрыты, мужчина тяжело и шумно дышит.

От осмотра меня отвлекает писк электронного термометра. Тяжелые веки дрожат и с трудом открываются. Я тону в темных омутах его глаз, слишком близко, слишком неожиданно. Встряхиваю головой и прошу прибор:

- Давайте.

Он протягивает мне градусник, на короткий миг наши пальцы встречаются, его рука горит огнем.

- Сорок градусов! – от удивления мои глаза расширяются.
– Что вас сейчас беспокоит?

- Слабость, голова болит и тяжело дышать, - капельки бле-

стоят над его верхней губой. Голос перестает быть воинственным, ему действительно плохо.

- Снимайте рубашку, - требуя я, подхватывая стетоскоп. - Не смотрите на меня так. Вам плохо, а я врач.

Посверлив меня недовольным взглядом, он сдается и неуверенными движениями принимается за пуговицы.

- Сидя, - положив ладони на его горячие плечи, говорю быстро, боюсь, что он будет возражать. Встать со стула я ему не даю. - Я буду слушать вас сидя.

Как только рубашка сползает с его плеч, я прикусываю губу. Слишком мощное, накаченное тело. Неожиданно для самой себя я замираю и люблюсь его рельефной спиной, мышцы приходят в движение, пока он избавляется от рубашки. Восхищение и чисто женский голод прокатываются по мне волной.

Слава богу, мужчина закончил с рубашкой и замер передо мной.

- Дышите глубже, - прошу его. Мужчина делает шумный вдох, а мне совсем не нравится то, что я слышу. Точнее то, чего я не слышу.

- Одевайтесь, - набрасывая стетоскоп себе на шею, я бросаюсь к телефону.

Вызванный мной санитар увозит пациента на рентген и анализы.

Не проходит и пятнадцати минут, как подтверждается мое предположение: двусторонняя пневмония.

- Как я и предполагала, у вас двусторонняя пневмония, - как только Назаров возвращается, сообщая ему новости. - Предлагаю вам остаться в нашем стационаре. Так мы сможем собрать все необходимые анализы и стабилизировать ваше состояние.

- Нет, - отвечает он.

- Артем... Юрьевич, - не сразу вспоминаю его отчество. - Я вас прошу, прислушайтесь к моим словам. Со здоровьем не шутят.

Не знаю, что он видит такого на моем лице: мольбу или искреннюю тревогу, но неожиданно соглашается.

- Скажите, у вас есть аллергия на лекарственные препараты? - я быстро готовлю документы на госпитализацию.

- На пенициллин, в детстве я чуть не умер после укола.

Киваю, показывая, что поняла, и быстро заношу данные в компьютер.

Неожиданно из размышлений и воспоминаний меня выдергивают чьи-то крепкие руки, опустившиеся на мои плечи. Они грубо, почти до боли впиваются в меня.

Вздрагиваю и стараюсь их сбросить.

- Тише, Светик, ты напряжена. Тебе надо расслабиться, - в хриплом голосе узнаю Виталию, Диминого брата. Он продолжает сжимать мои плечи.

Сердце пропускает удар, а руки холодеют. С первого дня нашего знакомства он проявляет ко мне нездоровый интерес.

Причем никогда не пытался его скрыть даже от брата. За что пару раз получил по морде. Но его это не остановило, нет, только раззадорило.

Теперь он считает меня чем-то вроде приза за свое упрямство.

Виталья – неплохой пластический хирург. Но для него деньги всегда перевешивают здоровье пациента и здравый смысл. Он сделает что угодно за деньги.

Его никогда не интересовали долгосрочные перспективы, только деньги и собственные желания.

Он до сих пор не может понять, почему я еще не бросилась к нему в постель.

Я не знала, что он уже вернулся из Америки? Что ему надо в клинике?

Вскакиваю со стула и разворачиваюсь.

- Тише, птичка, - он примирительно поднимает руки и на-
двигается на меня.

Я пячусь назад. Его холодные глаза зажигаются азартом. Мне это совсем не нравится.

- Я не обижу, мы же почти брат и сестра, - не верю ни одному его слову. Ага, брат и сестра, как же!

- Что тебе надо? – не могу справиться с эмоциями и понимаю, что мой голос срывается.

Темная бровь ползет вверх.

- Ничего. Хотел тебя поддержать. Слышал, у тебя пациент чуть не умер вчера, - его губы растекаются в улыбке. Больше

похоже на оскал.

Он видел фотки?

Продолжаю следить за его плавными движениями, пятясь к стене.

Нет, не видел, иначе он бы вел себя по-другому.

- Все нормально, сегодня его переведут обратно в палату,
- сглатываю и бросаю взгляд на дверь.

- Да? Тогда хорошо, - он подходит совсем близко.

Я упираюсь спиной в стену, бежать мне некуда.

Разделяющее нас расстояние мужчина преодолевает за пару шагов.

Слишком опасная близость. Виталя выше среднего роста, под одеждой угадывается рельеф натруженных мышц. Но ни его тело, ни он сам не привлекают меня. Хуже того, вызывают отвращение.

Темные волосы аккуратно уложены гелем. В нос ударяет резкий запах его парфюма, вызывая тошноту.

Его светлые глаза слишком похожи на глаза брата. Только Димины излучали свет, а эти леденят душу.

Тонкие губы расплываются в оскале. Он загнал меня в угол. Ему нравится играть со мной, нравится чувствовать азарт охотника, хоть еще ни разу он и не достиг цели.

Виталя наклоняется и ставит свои крепкие руки на стену с двух сторон от моей головы. Замираю и не дышу, боясь его спровоцировать.

Сейчас он похож на опасного хищника. И я почему-то уве-

рена, что если он нападет, мне ничего не поможет.

Его лицо замирает в опасной близости. Он делает глубокий вдох, его ноздри трепещут. Через секунду он шумно выдыхает, горячее мужское дыхание обжигает щеку. Я вздрагиваю, как от удара.

Холодные глаза затягивает пелена. Его взгляд скользит по моему лицу, задерживается на губах и продолжает путешествие вниз.

Нет, только не это!

- Пусти, - пытаюсь оттолкнуть его. Но ничего не выходит, мои кулачки ударяются в широкую грудь.

Это вызывает у него только глухой смех.

- Светик, - он почти шепчет мне в ухо, - зачем ты сопротивляешься?

- Пусти! — я повышаю голос в надежде, что кто-нибудь услышит меня в коридоре. А сама чувствую, что в голосе проскальзывает паника.

- У меня просто крышу от тебя сносит. Ты так приятно пахнешь, - он еще раз глубоко вдыхает, едва касаясь носом моих волос.

Внутри нарастает паника. Так далеко он еще ни разу не заходил.

С отвращением наблюдаю, как открывается его рот, и красный влажный язык облизывает мою щеку, зажмуриваю глаза и пытаюсь отвернуться.

- У тебя кто-то есть? - шепчет он.

- Не твое дело, - резко бросаю я.

- Мое! Ты специально виляешь задом передо мной, знаешь, что я хочу тебя! – его голос повышается, он резко бросает слова. Больше нет притворной нежности.

- Виталя, ты в своем уме?

- Заткнись! Строишь из себя недотрогу! А сама трахаешься с пациентами прямо в клинике! – он рычит, его лицо перекашивает злоба, а в глазах горит опасная смесь из страсти и ярости.

Значит, все-таки узнал. Поэтому и ведет себя так!

- Отстань, я сказала! - я резко ударяю его в грудь, он отшатывается, не ожидая такого напора. Я успеваю выскользнуть. Теперь нас разделяет стол.

- Хочешь поиграть? – в его голосе появляются рычащие нотки. – Давай поиграем...

- Не подходи ко мне, слышишь? - яставляю вперед палец.

- Светик, теперь, когда я знаю, какая ты ненасытная дрянь, тебе больше не удастся водить меня за нос. Очень скоро ты будешь извиваться подо мной и молить, чтобы я никогда не прекращал, - я отчетливо слышу угрозу в его тихом голосе.

Представив себе то, о чем он говорит, передергиваю плечами от отвращения, что не остается незамеченным.

Яростно горящие глаза сужаются. И это пугает меня до чертиков.

Я всегда догадывалась, что Виталя не из хороших мальчи-

ков, да простит меня Марта. Но теперь я увидела его неприкрытую лживыми фразами сущность, это мерзко.

Без стука распаивается дверь и в ординаторскую wpłyвает Вера Юрьевна. Крайне эффектная брюнетка, Димина бывшая одноклассница и дочь давнего друга семьи.

Она замирает на пороге, внимательным взглядом проходится сначала по мне, потом по Витале.

- Светлана Александровна, здравствуйте, - она приветливо улыбается. Чувствую в ней что-то лживое, но она всегда безупречно вежлива и подчеркнуто бодродушна. – Вы опять сегодня дежурите?

- Нет, я зашла узнать о пациенте Назарове, - при упоминании этой фамилии мне кажется, что в идеально подведенных глазах что-то вспыхивает, но женщина тут же берет себя в руки.

- Он еще в реанимации, но Олег Федорович уже с утра хочет его перевести обратно в отделение, - щебечет она.

- Спасибо, - я киваю и направляюсь к выходу. Мне здесь делать больше нечего.

- Привет, Виталя, - щебетание быстро сменяется на откровенное мурлыканье, - поздравляю, я слышала, ты теперь заведешь у нас хирургией...

Эти слова доносятся мне в след. Что? Что она только что сказала?

Глава 6

Очень быстро забрасываю вещи в сумку.

Внутри клокочет ярость. Как он мог? Как он, черт возьми, мог сделать Виталика заведующим хирургией в «Эскулапе» и не спросить меня?

Да, он главный врач, да, он владелец трех четвертей этой клиники, но я совладелец, а не пустое место!!!

Для него – пустое. Всегда была и всегда буду!

Дима всегда мечтал о клинике, и как только мы окончили университет, насел на отца. Пару лет поисков и оформления документов, и сразу после нашей свадьбы Дима с отцом открыли, наконец, нашего «Эскулапа».

Они стали совладельцами. Игорь Михайлович занимался финансовой стороной, Дима взял на себя управление, организацию и львиную долю пациентов. Я с первого дня стала работать терапевтом.

Димины смерть многое изменила.

Но я не смогла бросить клинику, даже не смотря на то, что свекор меня открыто ненавидит и пытается выжить. Я унаследовала долю и держусь за работу в память о муже. Он бы не простил мне, если бы я бросила дело всей его жизни.

Останавливаюсь и до боли тру лоб. Надо успокоиться и подумать, что делать дальше.

Виталия теперь будет где-то рядом каждый день, каждый

день для меня станет адом!

Со злости спихиваю со стола кипу бумаг. Белые листы с тихим шорохом, опускаются на пол.

Глубоко вздыхаю, не помогает.

Игорь Михайлович уже успел уехать домой, а то бы мы уже сегодня обсудили это странное назначение. Надо успокоиться...

Набрасываю на плечи пальто и подхватываю сумку, надо скорее идти домой. Только в тишине и одиночестве я смогу все обдумать.

Вечерний город с его пробками и наглыми машинами бесит меня еще больше. Включаю на магнитоле погромче музыку, чтобы заглушить беспокоящие меня мысли.

Квартира встречает меня пустующей темнотой. Когда-то я мечтала о большой семье, о детях и о животных. Но с гибелью Димы погибли и мои мечты. Я даже кошку не могу завести потому, что вечно пропадаю на работе. Бедному животному некому будет положить еды и вычистить лоток.

Сбрасываю в коридоре пальто, сумку и сапоги. Кофта летит в угол по пути. Расстегиваю молнию на юбке, и она легко соскальзывает с меня на пороге ванной. Плевать, перешагиваю и иду дальше.

Регулирую воду и затыкаю пробку. Соль и пена для ванной должны мне помочь. Просторную ванную комнату заполняют ароматы грейпфрута и пиона.

В одном нижнем белье пробираюсь на кухню. Достаю с

верхней полки высокий фужер. Мне надо что-нибудь выпить.

Открываю шкаф: вино, вино... Я не люблю терпкую горечь вина. Шампанское. Повода нет, но его вкус мне нравится больше. Подхватываю бутылку и иду назад в ванную. Воды уже достаточно, пушистая пена норовит убежать из широкой ванной, предназначенной явно для двоих.

Кружевное белье сползает на пол, а мое тело погружается в ароматную воду. Ммм. Это именно то, что мне сейчас нужно.

Откидываюсь на подголовник и делаю большой глоток прохладного искрящегося напитка.

Алкоголь пробегает по горлу и, едва достигнув желудка, отдается приятным теплом во всем теле.

Виталик, мудака. Ну чего он ко мне прицепился? Я никогда не была его и не давала ему повода. Но всегда замечала на себе его похотливые раздевающие взгляды. Брр.

А после гибели Димы стало только хуже. Обрадовало, что он уехал работать в штаты, но неожиданно вернулся. Как не вовремя.

«Светик, теперь, когда я знаю, какая ты ненасытная дрянь, тебе больше не удастся водить меня за нос. Очень скоро ты будешь извиваться подо мной и молить, чтобы я никогда не прекращал» - его последние слова всплывают в памяти. Урод!

Что-то мне подсказывает, что это не простые угрозы.

Делаю еще один глоток и закрываю глаза. Да у меня после смерти Димы вообще ни одного мужика не было. Я только последний год стала вспоминать о нем без слез. Я только-только начала снова обращать внимание на жизнь вокруг. Только недавно мое тело вновь стало требовать ласки.

Очень не вовремя память мне подсовывает воспоминание о злосчастном пациенте.

Вспоминаю непримиримый взгляд темных глаз, от такого мурашки бегут по коже. И глубокий хриловатый голос с властными нотками. Рельефные мышцы перекачиваются под влажной кожей при каждом его движении. Интересно, какой он на вкус? Стоп, о чем это я?

Так, что случилось вчера?

Я отправила Назарова в стационар. Вера Юрьевна отпросилась и попросила подменить ее. Я сама его осмотрела и назначила лечение, распорядилась по поводу литички. А потом вернулась на прием. Мое дежурство началось в шесть, обход. А потом прибежала Диана, молоденькая медсестра с испуганными глазами и сказала, что пациенту плохо.

В памяти всплывает каждая секунда вчерашнего вечера.

Я забегаю в палату, мужчина лежит на кровати, прикрыв глаза. Его лицо горит, а грудь тяжело вздымается.

Я пытаюсь узнать, что его беспокоит. Он молчит, и я трогаю его за руку.

Он распахивает темные глаза, и я вижу в них странное выражение, смесь боли и упрека. Но почему?

- Артем Юрьевич, что с вами?

В ответ мне раздается кашель, мучительный и надсадный. Мужчина мечется на кровати. Его глаза постоянно что-то ищут вокруг.

Приступ не проходит, вдох дается мужчине с трудом. Прибор, измеряющий давление и пульс, начинает жалобно пищать. Бросаю на него взгляд, давление падает.

- Диана, Диана! Быстро, зови реаниматологов и санитара – кричу я и пытаюсь ослабить ворот мужской рубашки. Неужели они в стационаре не могли ему выдать хотя бы одноразовую пижаму?

- Не могу дышать... – хрипит он.

Я оглядываюсь. Нажимаю тревожную кнопку. Ну где носит медсестру?

Не успеваю о ней подумать, как она оказывается передо мной.

- Вызвала, – испуганно пищит она и огромными глазами смотрит на бьющегося в моих руках пациента.

- Противошоковую аптечку, быстро! Чего встала? Тащи! – у меня нет времени быть предельно вежливой. Сейчас дорога каждая секунда.

Назаров порывается встать, хрипя и скидывая руки. Мне не хватает сил его удержать. Если он рухнет на пол, будет только хуже.

Я запрыгиваю сверху на кровать и пытаюсь прижать его своим телом. Попутно бросаю взгляд на заторможенную от

страха медсестру.

- Диана, разводи адреналин один к десяти, набирай полкубика, в другой шприц преднизолон девяносто, - чувствую, как напрягается огромное тело под собой, - нет, сто двадцать. Быстро.

Цепкие мужские пальцы хватают меня за запястья, в горящих глазах мутнеет рассудок, остается только боль.

Пытаюсь вырвать руки, но в итоге падаю ему на грудь. Огромное тело сотрясают судороги, ужасные хрипы слышны на расстоянии. Упираюсь руками в пылающую грудь.

Его лоб покрывается испариной, глаза закатываются, он судорожно хватается руками за воздух.

- Чего ты копаешься?

- Я... – мямлит медсестра.

- Коли!

Пальцами правой руки он царапает мое горло, соскальзывает вниз, хватается за ворот медицинской пижамы. Раздается треск разрываемой ткани, свежий воздух касается обнаженной груди. Я не вижу насколько все плохо, могу только догадываться. Сейчас это не имеет значения.

Неловким движением медсестра вгоняет укол, и поршень загоняет препарат глубоко в мышцу.

Мужчина обмякает на постели. Всматриваюсь в побледневшее лицо, покрытое крупными капельками пота. Бледные сухие губы приоткрылись, втягивая воздух.

- Звони в реанимацию, - бросаю Диане, осторожно спол-

зая с кровати.

- Но...

- Звони в реанимацию и скажи, что если их не будет здесь через минуту, они могут собирать вещи! – зло чеканю каждое слово. Девочка опускает голову, подчиняясь, и бросается на пост.

Мужчина тяжело дышит, но дышит. Кашля больше нет, и хрипы пропали. Подбираю датчик прибора определения давления и пульса, он слетел, как только Назаров стал метаться. Возвращаю прибор на место, проверяю пульс.

За спиной раздается недовольное покашливание Олега Федоровича. Стягиваю на груди медицинскую рубашку и оборачиваюсь.

Да, такого дежурства на моей памяти еще не было. Открываю глаза и подношу фужер к губам.

Что же случилось с Назаровым? Что послужило причиной развития у него анафилактического шока?

Хорошо еще, что Диана была где-то рядом и успела меня позвать, а если нет? Боюсь даже подумать об этом.

Сейчас адреналин схлынул с меня и в голове всплывает вопрос: что послужило причиной шока? Надо будет в понедельник поговорить с Дианой и узнать, что она ему давала и колола.

Ставлю бокал на широкий бортик и погружаюсь под воду с головой. Тут же выныриваю обратно. Горячая вода расслабляет напряженные мышцы.

А перед глазами встает серьезное мужественное лицо с карими глазами. Почему я весь день думаю о нем? Странный пациент. В первый раз он разозлил и обидел меня, во второй очень сильно испугал.

Надо будет обязательно зайти и посмотреть, как он в понедельник. Приняв решение, я поднимаюсь из воды и включаю душ.

Глава 7

- Светлана! - из размышлений меня вырывает грубый голос свекра.

- Да? – я перевожу растерянный взгляд с него на свекровь и обратно. По субботам у нас по традиции «семейный» ужин. Семейный он очень условно. Но отказаться я не могу. Хуже того, сегодня обещал заявиться и Виталий.

Я третий день подряд мысленно возвращаюсь к своему странному пациенту. Переживаю за его здоровье? Безусловно! Но здесь есть что-то еще. Он почему-то не выходит у меня из головы. А ночью мешают уснуть воспоминания о бездонных темных глазах. За весь прием он не сказал мне ни одного нормального слова, но что-то в нем меня зацепило. Наверное, его сила, не столько физическая, сколько эмоциональная. От одного его взгляда наш недюжинный санитар сжался и старался не отсвечивать. И мне почему-то не хотелось противиться этой силе, нет. Скорее подчиниться. А еще лучше найти в ней защиту...

- Где ты витаешь? – Игорь Михайлович раздражен. У нас с ним сложные отношения, но при Марте пытаемся разыгрывать что-то вроде семейного добродушия.

- Задумалась, - я тянусь к чашке с кофе, надеясь за ней спрятать свое смущение.

- Сегодня пришло приглашение на губернаторский бал, -

он выжидающе смотрит на меня.

- Бал? Это который концерт? – не пойму, что он от меня хочет.

- Светлана... - свекор делает шумный вдох, повинуюсь успокаивающему поглаживанию жены. – Нет, это который званый ужин в каком-нибудь дорогом месте. С шампанским, икрой и влиятельными людьми и новыми знакомствами.

- Хорошо, а я тут при чем?

- Детка, тебе как совладельцу обязательно надо посетить это место, - Марта тепло смотрит на меня.

Сегодня я заметила, как она похудела и побледнела. Любая, даже небольшая нагрузка вызывает у нее усталость и одышку.

При каждом брошенном на нее взгляде ком встает в горле, на глаза наворачиваются слезы.

- Я не знаю... - стараюсь что-то придумать, чтобы отклонить приглашение.

Раздается звонок в дверь.

- Виталя пришел, - Марта поднимается и идет встречать любимого сына.

- Ты пойдешь, - ставит меня перед фактом Игорь Михайлович, в отсутствии жены сбросивший маску вежливости.

- Нет, зачем?

- Это надо для клиники, - он поднимается и наливает себе алкоголь в пузатый бокал.

- Возьми сына, - киваю в сторону прихожей.

Марта в силу здоровья уже давно не посещает светские мероприятия.

- Виталя пойдет в любом случае, ты тоже пойдешь!

- Я не хочу!

- А я не спрашиваю, хочешь ты или нет. Как у совладельца у тебя тоже есть обязанности. Вот и отработаешь некоторые на балу. Неплохо бы поторговать лицом и завести пару нужных знакомств, - он делает большой глоток.

Ответить я не успеваю. В комнату заходят Марта и Виталик.

- Привет, - кивает мне он. В холодных глазах вспыхивают искры, он пристально разглядывает меня, задерживаясь дольше, чем прилично на груди и плотоядно усмехается. Меня передергивает.

- Я, пожалуй, пойду, - встаю с твердым намерением покинуть семейный очаг.

- Не уходи, дорогая. Побудь еще, - щебечет Марта.

- погоди, Светик, я подвезу тебя, - Виталя неприятно улыбается, но кроме меня никто как будто и не видит его ухмылок.

- Светочка, еще десерт. Прошу. Я старалась, - Марта продолжает говорить, ее глаза грустнеют. Свекор смотрит на меня неодобрительно поверх пузатого бокала. Виталя складывает руки на груди, как будто вопрошая, что я предприму дальше?

А что я могу? Я соглашаюсь посидеть еще, но обещаю са-

ма себе вызвать такси через полчаса.

- Ну что, поехали? – звонко опуская фарфоровую чашку на блюдце, Виталья поднимается из-за стола.

Я замираю с ложкой в руках. Я не ожидала, что он действительно соберется меня провожать. Растерянно оглядываюсь на Марту, на Игоря Михайловича и снова натыкаюсь на жадный взгляд холодных Виталеных глаз.

- Уже уходите? – Марта поднимается из-за стола. – Ну, счастливо.

Обуваясь в просторной прихожей, я перебираю в голове всевозможные варианты, чтобы не ехать сейчас, с ним.

Но не нахожу достойной причины. Если я задержусь еще, Виталий будет сидеть у родителей столько, сколько понадобится. Если он что-то решил, то свернуть его не получится. И это меня пугает до чертиков. Он, похоже, решил поиграть со мной. Я уверена, что его игры мне не понравятся.

- Светлана, - окликает меня голос свекра, - губернаторский бал, не забудь. И приведи себя в порядок.

- Все будет в лучшем виде, правда Светик, - под локоть меня подхватывает жесткая мужская рука и выпихивает в подъезд. – Мам, люблю-целую.

За нами захлопывается дверь. Мы остаемся вдвоем. Не обращая внимания на мои попытки вырвать руку, Виталий тащит меня к лифту. И отпускает, только когда двери с тихим шорохом закрываются.

Мужчина замирает напротив. Сейчас он похож на опас-

ного хищника, готового в любой момент броситься на меня и разорвать.

В холодных глазах вспыхивает похотливое пламя, язык облизывает губы. Он поднимает руку и пытается убрать прядь волос с моего лба. Отшатываюсь в сторону и трясую головой.

Он только хмыкает. Глаза загораются азартом. Ему нравится вызов. Черт, что же мне делать?

Лифт привозит нас сразу на подземную парковку. Щелкает замок, Виталя передо мной галантно распахивает дверцу.

Я игнорирую предложенную мне руку и забираюсь внутрь.

Он быстро обходит машину и запрыгивает на пассажирское сиденье.

Тянусь к ремню безопасности. Я знаю, как отвратительно водит Виталя. Серебристое БМВ уже не пятое и, скорее всего, даже не десятое его авто. Предыдущие закончили жизнь на свалке.

Ну почему всегда аккуратный Дима погиб в единственной своей аварии, а беспечному Витале все нипочем?

- Боишься? – слышу издевку и смех в его вопросе. Но предпочитаю не отвечать.

Пристегиваюсь и замираю на сиденье.

Мотор мягко урчит, загораются фары и дорогая иномарка срывается с места, покорная воле безрассудного водителя.

Вечерний город проносится за окном. Я судорожно сжимаю ручку двери, боюсь, что вообще ее вырву.

Немыслимая скорость на темных городских улицах, проезд на красный, возмущенные сигналы клаксонов других авто.

- Неудачники, - цедит сквозь зубы мужчина, бросив взгляд в зеркало заднего вида.

Его левая рука сжимает кожаный руль, а правая неожиданно ложится на мое колено.

От этого касания меня пронзает практически физической болью. Возмущение поднимается внутри. Я резко скидываю его руку.

Чувствую, как машина ускоряется. Бросаю взгляд на приборную панель: сто километров в час! Виталя сдурел! Он убьет нас!

- Виталя! - окрикиваю его.

- Тебе нравится риск, да, Светик?

- Что ты делаешь?

- Пытаюсь завести тебя, - он неприятно хохочет, двумя руками упираясь в руль. Впереди перекресток и красный свет, нам нужно свернуть налево.

Не тормозя, Виталя резко выворачивает руль влево. Слышу визг тормозов и сигналы других водителей. Позади раздается громкий хлопок, и в боковом зеркале я различаю моргание аварийки.

- Там авария, - выдавливаю из себя я.

- Ничего страшного, - бросает он мне грубо.

- Но там мог кто-то пострадать, как Дима, - голос подводит

меня, заканчиваю предложение я уже почти шепотом.

Он ничего не отвечает, бросает равнодушный взгляд в зеркало, но сбавляет скорость.

Неожиданно для меня автомобиль останавливается. Несколько секунд я молча смотрю в темноту за окном. Сердце гулко ухает где-то в районе горла. С трудом сглатываю вязкий ком. Липкие объятия страха не хотят меня отпускать. Только сейчас замечаю, что до побелевших костяшек я сжимаю двумя руками ремень безопасности на своей груди.

- Где мы? – я, наконец, понимаю, что это не мой дом.

- Расслабься, - Виталя произносит это проникновенным полусшепотом и поворачивается ко мне.

Его рука тянется к моим волосам. Я не могу заставить себя двинуться, руки по-прежнему сжимают ремень.

Он касается волос на моем виске, кожу обжигает, словно каленым железом. Мужчина запускает пальцы мне в волосы и сдергивает заколку. Светло-золотой водопад рассыпается по моим плечам.

- Так лучше, - улыбаясь одним уголком рта, говорит он. Его глаза жадно разглядывают мое лицо.

Он медленно, но неотвратимо собирает мои волосы в кулак и тянет на себя. Я вынуждена подчиниться, шипя от боли.

Мое лицо останавливается в опасной близости от его. Он разглядывает меня, его взгляд скользит по лицу, останавливается на губах. Мужчина сглатывает.

- Тебе понравится то, что я буду делать с тобой, - он вы-

дышает мне в губы.

Паника накатывает на меня волной. Грудь сдавливает тревога, не давая вздохнуть.

Я вспоминаю множество слухов о Витале времен университета и пару случайно оброненных Димой фраз. Виталья не церемонится с женщинами. Он только берет, иногда очень грубо. Вспоминаю самый дикий слух, что он забил проститутку в порыве страсти. Дима никогда не говорил о брате плохо, чаще отмалчивался. И я списывала все это на завистников, но сейчас мне начинает казаться это правдой.

- И начнем мы прямо здесь, - я вижу, как разгорается пламя безумия и похоти в его глазах.

Он впивается в мои губы. Грубо, дико, больно. Пытаюсь его оттолкнуть – бесполезно.

Омерзение тошнотворной волной поднимается к горлу.

Судорожно рву ремень, но он надежно закреплен. Опускаю руку между сидениями, раздается щелчок, ремень медленно ползет вверх.

Крепкие руки держать меня как тиски, я дергаюсь. Из сумочки мне на колени выпадают разные мелочи, слышу звон ключей.

- Сука! – орет Виталья. Его щеку пересекает глубокая царапина. Как в замедленной съемке я смотрю на капли темной крови, что выступают из пореза. Замечаю, как меняется лицо Витали, из надменного и властного, оно превращается в перекошенную маску ярости. Глаза наливаются бешенством,

темный зрачок вытесняет радужку и здравый смысл. Я разозлила зверя, очень опасного зверя.

Продолжаю сжимать в руке ключи, другой, не глядя, ищу ручку двери. Тихий щелчок, и я вываливаюсь наружу.

Мне хватает пары секунд, чтобы подняться и бросится бежать. Легкие опалает огнем, в ушах шумит, холодный осенний ветер бросает в лицо пряди волос.

Сумочка сползает с плеча. Ныряю в первую попавшуюся темную подворотню, не заботясь о возможных последствиях. Сейчас самое главное убежать подальше. Не слышу погони, но рисковать не собираюсь.

Глава 8

Понедельник встречает меня на работе временным затишьем.

Не хочу никого видеть. Все выходные я просидела, запиравшись в квартире и вздрагивая от каждого шороха. Виталия не явился.

Я несколько раз порывалась поехать в ментовку. Но каждый раз меня останавливал здравый смысл. Хотя, я не уверена, что здравый.

Но что бы я им сказала? Что Виталий Воронцов безбашенно ездит по городу и нарушает все мыслимые и немыслимые правила? Что он поцеловал меня, пускай и против моего желания? Или что он предлагал мне секс?

Ведь дальше разговоров дело не зашло. Я и не уверена, что Виталия взял бы меня силой, скорее надеялся на свою животную притягательность.

Меня тут же передергивает от воспоминаний.

Вспоминаю бледное изможденное лицо Марты. Нет, я не заставляю ее пройти через все это.

А Игорь Михайлович? Может рассказать ему? Вспоминаю надменное суровое лицо свекра, когда он смотрит на меня. И добродушную улыбку, что касается его губ при взгляде на единственного оставшегося сына. Нет! Он мне не поверит!

Снимаю очки и потираю переносицу.

Ладно, не буду думать об этом сейчас.

Пациентов немного, но они помогают мне отвлечься от тяжелых мыслей. Работа полностью вытесняет страх и тревогу.

А к середине дня я возвращаюсь в мыслях к своему странному пациенту. Надо бы его проведать.

Замираю у зеркала и смотрю на свое отражение. Может быть, слишком долго. Пробегаюсь по прическе, макияжу и одежде. Вроде, все в норме.

Но почему тогда, я волнуюсь?

Резким движением отбрасываю за спину светлые волосы и выхожу из кабинета.

- Как ушел? – я удивленно смотрю на Веру Юрьевну.

- Написал расписку, подписал все документы, оплатил свое лечение и выписался сегодня утром, - молодая женщина с тщательно скрываемым раздражением повторяет мне одно и то же.

- Вера Юрьевна, как вы могли его отпустить? – от волнения мой голос повышается.

- Светлана Александровна, вы забываетесь! Я – лечащий врач стационара, - в идеально подведенных глазах вспыхивает раздражение. - Пациент захотел уйти, я его выписала.

- У него двухсторонняя пневмония!

- Мне надо было его привязать к кровати? – тонкая бровь иронично ползет вверх.

- У него был анафилактический шок! – я поражена ее поведением.

- Он взрослый человек, он захотел уйти и ушел! – она говорит это резко. Приторная улыбка сползает с ее алых губ.

Я резко разворачиваюсь и выхожу из ординаторской. Злость закипает во мне. Как она могла отпустить больного человека?

Пролетаю по коридору.

- Здравствуйте, Светлана Александровна, - несется мне в след.

Резко останавливаюсь. В сознании всплывает смутная догадка.

- Диана, здравствуй, - подхожу к посту и рассматриваю дежурную медсестру.

Молодая девочка, совсем недавно закончила училище.

- Диана, помнишь пациента Назарова?

- Конечно, - испуганно выдыхает она.

- Что ты давала ему в четверг, когда ему стало плохо?

- Все, что было назначено, - она бледнеет.

- Точнее, - требую я.

- Я принесла ему таблетки: витамины и бромгексин.

- Так, что еще?

- Сделала укол, и он сразу начал жаловаться...

- Какой укол? – я впиваюсь руками в столешницу.

- Антибиотики... - уже шепотом говорит девушка.

- Какие? – я замираю, боясь услышать ответ.

- Пенициллин...

Выдыхаю и закрываю глаза. Мне надо успокоиться, сроч-

но.

- Я сделала что-то не так? – все так же шепотом спрашивает она.

- Диана, у пациента Назарова аллергия на пенициллин, откуда ты его взяла? – держать себя в руках у меня не получается.

- В назначениях? – она не утверждает, она спрашивает.

- В каких, блин, назначениях? Дай его историю! – требую я.

- Она у Веры Юрьевны. Я отдала ей все выписные истории еще с утра, - мямлит девушка. – Там, правда, был пенициллин...

- Открывай электронную историю, - требую я. Мне надо быть уверенной, что это не моя ошибка.

Дрожащими руками медсестра тянется к мышке, щелкает клавишами. Медленно, боже, как медленно.

- Живее, - я обхожу стойку и останавливаюсь рядом с девушкой.

Видимо это ей совсем не помогает, потому что она несколько раз промахивается мимо нужного файла.

- Отойди, - я сама открываю его историю.

Резко кручу колесико мышки, я не ошиблась, пенициллин не был назначен. Злость, нет, ярость захлестывает меня. Сейчас я готова разорвать девушку на части. Оборачиваюсь к медсестре, и та что-то такое понимает по моему лицу, потому что отшатывается.

- Диана, вы своей невнимательностью чуть не убили пациента, - замечаю, как бледнеет ее лицо. Но мне не жаль.

- Там было назначение, - опустив глаза, спорит она.

- Его там не было и быть не могло! Я сама оформляла историю! – я не выдерживаю и повышаю голос, такое случается со мной крайне редко. Видимо, сказался пережитый стресс.

- Оно было, - не сдается медсестра.

- Диана, перестаньте оправдываться! Если оно там было, то куда девалось?

- Не знаю, - втягивая голову в плечи, произносит она.

- Вы халатно отнеслись к своим обязанностям, перепутали назначения и чуть не убили пациента, вы это понимаете? – мой голос гремит в пустом холле.

- Простите, - шепчет медсестра.

- Простите? Вы вообще понимаете, о чем я говорю? Вы чуть не убили человека! Чьего-то мужа, отца и сына!!!

- Я не...

- Вы не удосужились перепроверить, нет! Прочитали первые попавшиеся назначения и все!

- Я...

- Вы, Диана, - прерываю я ее слабые возражения, - прямо сейчас пишете заявления об увольнении, сейчас же. А я его подписываю, поняли?

Мне немного становится легче. Эмоциональный всплеск, разрядка и невыносимый груз ответственности спадает с моих плеч.

Я и раньше замечала какую-то рассеянность у Дианы, заторможенность и боязливость. Все это я списывала на ее молодость и неопытность. Но у меня нет предубеждений против молодых сестер. Наоборот, часто они более жадные до работы и старательные, им все интересно, они еще не разочаровались в работе и людях.

Видимо, это не тот случай. Такие косяки, нет, халатности не должны повториться. Диане не место в нашей клинике. Думаю, ей вообще не место в медицине.

Девушка молча протягивает мне лист бумаги, на котором уже успела написать заявление. Едва пробежав его глазами, подписываю.

- Перед уходом занесете в кадры, скажите, я разрешила не отрабатывать две недели, - стараюсь не замечать слез в ее больших и доверчивых глазах. Как олененок, честное слово.

У кабинета уже ждут пациенты. Но не успеваю я войти и разместиться за столом, как дверь с грохотом отворяется.

Внутрь влетает багровый Игорь Михайлович. Его глаза мечут громы и молнии. Интересно, что его так разозлило или кто?

Со всего размаха на мой стол опускается его грозный кулак с зажатой бумажкой. Столешница жалобно трещит.

Мои брови взлетаю вверх. Я вообще не помню сверка в таком состоянии. Обычно он собранный, серьезный, язвительный. Но не взбешенный.

- Как это понимать? – орет он.

- Что именно? – пытаюсь разобраться, чего от меня хочет свекор.

- Диана, иди сюда!

Ах, Диана. Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю на то, как в дверном проеме появляется зареванная медсестра. Халатик она уже сняла и сейчас, в своем платице и коротеньких ботильонах выглядит совсем как школьница, невинно и трогательно. Уже успела пожаловаться главному? Вот шустрая!

Передо мной на стол ложится измятое заявление об уходе, подписанное моей рукой.

- Ты сейчас же извинишься, - ревет Игорь Михайлович.

- Я? – я настолько поражена, что тоже повышаю голос.

- Ты!!!

- Она чуть не убила человека! С какой стати?

- Это твоя вина! Пенициллин был назначен, Диана делала все согласно назначениям!

Замечаю, как по щекам девушки текут слезы, она стоит, намертво прижавшись к дверному косяку. Но молчит.

- Игорь Михайлович...

- Не смей вымещать на ней злость за свои ошибки!!!

- Что? – я вскакиваю со стула. В дверной проем заглядывают заинтересованные лица пациентов.

Диана отлепляется от двери, подбегает к главному врачу и хватает его под руку.

Что-то есть такое в этом жесте неправильное, личное. В

моей голове складывается мозаика.

- Диана, выйди и закрой дверь за собой, - говорю я.

- Она останется до тех пор, пока ты не извинишься! – ревет главный.

- Диана! – я повторяю ее имя с нажимом. Она смотрит на меня долгим пронзительным взглядом. Потом что-то тихо говорит Игорю Михайловичу и выходит.

- Как давно ты с ней спишь? – не знаю, откуда у меня появляются силы и наглость.

- Что? – глаза свекра округляются, но голос становится тише.

- Ты ведь спишь с ней, да?

- Ты... - он не знает, что сказать.

- Как ты мог? А Марта? Она любит тебя, ждет каждый день домой, а ты... Ты трахаешь молоденькую медсестру! – я понимаю горькую правду жизни. Но до этого момента я считала свекра со свекровью идеальной парой.

- Света! – его голос звучит угрожающе.

- Нет, ничего мне не говори. Она виновата. Хочешь ее оставить, оставляй. Но Марту я тебе обижать не дам! – смотрю ему в глаза, упрямо, с ненавистью. И в первый раз в жизни он отводит глаза.

- Ты не понимаешь... - он закрывает лицо руками.

- И не пойму...

Свекор вылетает из моего кабинета как пробка. Уверена, что Диану он забрал с собой.

С усилием растираю виски. Не люблю, говорить людям в лицо все, что думаю. А сегодня я сделала это два раза. Упрямое и расстроенное лицо Дианы не выходит у меня из головы. Черт, но она же виновата! Это она вколола Назарову пенициллин. Почему тогда я не заметила вины на ее лице? Почему она спорила со мной? Почему пыталась доказать, что права?

Может, из принципа? Или из глупости?

Опять тру виски. Ладно. Перед уходом надо зайти к Вере Юрьевне и попросить бумажную историю. При одном воспоминании о ней в носу начинает свербеть от приторного запаха ее духов.

Мы учились вместе, но я ее почти не помню. Мы вращались в разных кругах. Она – дочь богатых родителей, я – средний рабоче-крестьянский класс. И сейчас почти не общаемся, только вынужденно по работе.

Завершаю работу программы Виндоус на компе. И выхожу в коридор.

Стационар встречает меня тишиной.

Открываю дверь в ординаторскую без стука. За своим столом сидит Вера Юрьевна, как всегда безупречная.

- Вера Юрьевна, - я подхожу к ней.

Молодая женщина вопросительно поднимает на меня темные глаза.

- Можно мне историю Назарова?

- Историю? А почему вы ищите ее у меня? – на ее лице

отображается холодное удивление. Я не нравлюсь ей, никогда не нравилась.

- Диана сказала, что передала вам утром все выписные истории.

- Передала, но истории пациента Назарова среди них не было. Я внесла необходимые данные в электронную версию, а про бумажную подумала, что она осела в реанимации, - она складывает руки на столе.

- Вы уверены? – я знаю, что задаю глупый вопрос, но что делать?

- Вот, можете проверить, Светлана Александровна, - с этими словами она подхватывает с края стола стопку историй и небрежно кладет передо мной. Почти бросает.

Я быстро их просматриваю. Она говорит правду, истории Назарова среди них нет.

- Простите, - говорю ей и ухожу из ординаторской, не дожидаясь ответа.

Уже на выходе из клиники вспоминаю о невостребованном больничном пациента Назарова. Бледное притягательное мужское лицо встает перед глазами. Его горящие лихорадочным светом глаза завораживают.

Ведь я могу отвезти ему больничный и узнать о здоровье, заодно и извиниться за случившееся.

Так и сделаю.

Вот нужный мне дом. Охранник пускает меня внутрь, узнав, что я врач и иду к Назарову.

Сердце стучит как бешенное. Правильно ли я делаю? Я не видела Назарова с того момента, как отправила его в реанимацию, вспомнит он меня вообще или нет?

Стучу в нужную дверь и замираю. Щелчок замка и передо мной замирает он, Артем Назаров.

- Светлана Александровна? Не ожидал вас увидеть, снова, - его голос сочится ядом. А темные глаза загораются каким-то мрачным азартом.

- Я принесла ваш больничный, - вся моя уверенность быстро улетучивается, стоит мне увидеть его воинственный вид.

Глава 9 Артем

Утро немилосердно врывается в мое сознание.

Голова гудит, как будто целый оркестр лупил по ней вместо барабана. Открываю глаза и тут же закрываю их обратно со стоном. Кто, мать его, включил свет?

Стараюсь прислушаться к себе и понять, черт возьми, что происходит?

Сердце стучит где-то на уровне горла, периодически переходя на галоп.

Пытаюсь сглотнуть, но во рту сухо и мерзко. Где этот кот, что насрал туда?

Точно, я же вчера нажрался! Напоролся, как последняя скотина! Да, давно я так не пил. С прошлого года, если быть точным. Каждый год в этот день я не могу пройти мимо спиртного – напиваюсь до бессознательного состояния. Ей бы не понравилось.

«Папа!» - отчетливо слышу ее голосок и вижу протянутые ко мне руки. Бля, стараюсь сдержать эмоции. Закрытые глаза неумолимо жжет от непролитых слез. Варя, Варечка.

Не хочу прогонять ее образ, но второго дня в компании с бутылкой я не вынесу.

Опять пытаюсь сглотнуть и понимаю, что способен выпить целое ведро воды. Вот только бы добраться до кухни.

Осторожно открываю глаза. В комнате не так уж и свет-

ло. Сквозь небрежно задернутые шторы пробивается дневной свет. Сколько же времени. Не помню, как вчера уснул.

Помню, как быстро срулил с работы, раздав указания. Меня бил чертов кашель, но болеть некогда.

Так алкомаркет удачно подвернулся на проспекте, я смел все, что попадалось под руку. Так. Дальше пара бутеров и полный бокал для виски в руке. Только в нем плескались попеременно виски, водка, коньяк и еще какая-то дрянь.

Дрянь...

Резко подскакиваю на кровати, отчего в голове взрывается небольшой такой ядерный заряд, а тошнота подкатывает к горлу.

Вчера приходила докторица! Точно! И мы... и я... Вот блин...

Обвожу комнату внимательным взглядом: на полу валяется грязная рубашка, вчера меня ждала бутылка, некогда было убирать вещи. На кресле небрежно висят брюки. На тумбочке валяется мелочевка из карманов. Рядом с кроватью ботинки. Ну, мог бы разуться и в коридоре...

Хмурюсь. Что-то настораживает меня.

Нигде нет ее вещей. Ни платья, ни колгот, ни лифчика. И ее нигде нет.

Откидываю простынь. Странно, я одет.

Но я точно помню... помню ощущение нежной кожи на своем теле, помню страстные поцелуи, помню ее горячую податливую дырку...

Осторожно поднимаюсь с кровати и бесцельно бреду на кухню. Тут тоже все плачевно. Грязно и разбросанно. Пустые бутылки и один недопитый бокал. Следов женщины нет. Странно.

Она же принесла что-то! Что она там лепетала? Срываюсь в коридор. На тумбочке пусто. Я ищу чертов конверт, встаю на карачки, сражаясь с головной болью и накатывающей тошнотой. Его нигде нет.

Ванная! Тоже ничего! Абсолютное сраное ничто! Ни закладки, ни следа помады, ни запаха духов. Перебираю и перенюхиваю все грязные полотенца. Не помню, сколько их должно быть. Но не одно из них не говорит мне ничего.

Неожиданная злость накатывает на меня. Опрокидываю корзину для белья и со всей дури пинаю ее ногой. Пластиковая коробка отлетает в угол, рассыпая по пути грязные шмотки.

Я спятил! Я схожу с ума!

Но она была! Она плавилась в моих руках и вскрикивала, когда я присовывал ей член поглубже.

Черт, от воспоминаний у меня встает. Только этого не хватало.

Снова бреду на кухню. Наливаю в стакан ледяной воды и запихиваю в рот горсть таблеток. Должно помочь, если не вырвет.

Опускаю голову на руки и залипаю. Медленно боль отступает, а вот тошнота подкатывает к горлу. Боюсь повернуть

голову и не успеть добежать до толчка.

Неожиданно меня осеняет.

Подсказываю. Нормально тошнота со смной, но ничего не торопиться покидать мои внутренности. Уже хорошо.

Нахожу телефон в комнате, судорожно ищу нужный номер. Ага, вот он. Нажимаю на вызов и прикрываю глаза. Голова прошла, но по-прежнему хреново.

- Алло? Это Назаров из сто пятнадцатой ко мне вчера кто-нибудь приходил? Так спросите у него!!! Мне плевать, что ваш сменщик уже ушел домой! Позвоните ему! И вообще на кой хрен вы там штаны протираете и пялите в журнал, если ни хрена не знаете? – со злости отбрасываю телефон в сторону. Он отлетает на кровать и, отпружинив, с грохотом приземляется на пол. Батарея отлетает в одну сторону, задняя панель в другую, а сам телефон скрывается под кроватью. Отлично.

Весь день я валяюсь на диване, пью минералку и жду этого чертового звонка от охранника.

Наконец, раздается звонок.

- Алло? – резко спрашиваю я.

- Привет, дорогой!

Марина! Бля...

- Чего надо?

- Ты уже протрезвел? Супчику не привезти? Минералки? Белочка не заходила? – щебечет она в трубку, не обращая внимания на мое раздражение.

- Повторяю: чего тебе?

- Хотела предупредить, что я выбила приглашения для нас на губернаторский бал...

- Я не пойду!

- Я так и знала, что ты будешь в восторге. Нам не помешает посветиться среди богатых и властных...

- Марин... - угрожающе рычу я.

- Я уже заказала себе платье и смокинг для тебя. Не забудь оплатить счет. Инфу скину на телефон. Все люблю - целую, бай-бай!

Я не успеваю вставить и слова, как из трубки уже раздаются короткие гудки. Вот сука-а! Знает же, что я ненавижу, когда она так делает!

С ненавистью смотрю на телефон, но сдерживаю себя. Второго полета он не выдержит.

Экран загорается. Охранник.

- Да? Чего так долго? Как не узнали? А на хрена звоните? Что значит недоступен? А запись с камер?

Телефон снова летит, только на этот раз в стену. Нет у него, блин, доступа к записям. Что за недоумок?

В тишине и полумраке раздается жалобный треск пластика. На пол после встречи со стеной опадают жалкие обломки.

Мне нужен новый телефон.

В течение дня меня не отпускает дурное настроение, тревога и злоба. Пока убирался в квартире разьебал еще пару бутылок.

Сумерки неотвратимо накатывают на город и на меня. Сил нет, настроения тоже. А главную загадку я так и не решил. Была ли она на самом деле? Трахнул я ее или это все плод затуманенного сознания?

Постельное белье холодит горящее тело. Наверное, поднялась температура. От пневмонии или с бодуна? Какая разница?

Ощущаю дрожь. Переворачиваюсь с бока на бок и обратно. Сон никак не идет. Мысли занимает она.

Распущенные золотистые волосы, испуганный и манящий взгляд, нежная и трогательная, но вместе с тем упрямая и вспыльчивая женщина.

Пальцы покалывает от воспоминаний о ее бархатистой коже. Облизываю губы в надежде почувствовать ее привкус.

Кровь отливает от головы, чувствую напряжение в паху. Встает член. Блин, стояк каменный. Точно будут яйца болеть завтра.

Прикрываю глаза и опускаю руку вниз. Обхватываю член рукой и осторожно провожу вверх и вниз. Нежная кожа соскальзывает с упругой головки. Провожу по ней пальцем.

Вздрагиваю.

Вызываю в памяти «воспоминания»: хрупкая фигура с отставленной задницей в моем душе, струи горячей воды скальзываются по выгнутой спине, руки упираются в кафельную стену, она стонет...

Глава 10

Сбрасываю в руки молодого паренька в униформе норковое манто. Ненавижу его. Но сегодня тот самый вечер, когда надо выгулять меха и драгоценности.

Губернаторский бар. Арендовано самое роскошное место в городе. Шикарный отель сегодня предоставлен в полное распоряжение гостей.

Вестибюль торжественно украшен, везде живые цветы. Безупречно вежливые официанты проводят гостей в зал.

На секунду замираю у зеркальной стены. Бросаю на себя мимолетный взгляд. Я не хотела сюда идти и по большому счету мне плевать, кто и что обо мне подумает.

Золотистые волосы собраны в высокую прическу, зябко передергиваю открытыми плечами, тугой корсет выгодно приподнимает грудь, длинное в пол платье эффектно подчеркивает крутые бедра.

- Идем, - Игорь Михайлович подхватывает меня под руку.

Сегодня он мой кавалер. Виталию я не видела с того самого вечера. В клинике он не появлялся, сказавшись больным. Шансы, что он появится здесь, ничтожно малы. Свекра это бесит.

Плевать! Пусть отстанут уже от меня.

- Спасибо, что не взял ее с собой, - говорю полушепотом. Чувствую, как на моем локте сжимаются его пальцы. Он пре-

красно понял, о ком я.

Мы входим в зал, банкетный стол стоит в стороне. Официанты разносят напитки и закуски.

По натертому до блеска паркету прогуливаются гости. Самые влиятельные, богатые и знаменитые люди этого города и страны.

Игорь Михайлович тащит меня через весь зал, попутно здороваясь с важными мужчинами во фраках и ослепительными женщинами в бриллиантах.

- Держи свой острый язычок за зубами, поняла, Света, - шипит он мне. – Сегодня мы здесь ради общего дела. И если я прошу тебя очаровать кого-то, ты спрашиваешь, до какого состояния, поняла?

- Ноги мне тоже раздвигать по твоему щелчку, прикажешь? - вырываю локоть из его руки и замираю.

На другом конце залы, отпив янтарную жидкость из пузатого бокала, прямо на меня смотрит темноглазый знакомец.

Его каштановые волосы зачесаны назад, легкая небритость придает пиратский оттенок мужественному лицу. Карие глаза сужаются, стоит ему заметить меня.

Сердце останавливается на секунду, а потом начинает медленно и гулко биться в груди. Мне не хватает воздуха, духота наваливается на меня. Перед глазами все плывет.

Я не могла предположить, что могу встретить его здесь. Даже отсюда я вижу, как в его глазах разгорается пламя. Он помнит, он знает! Сейчас он подойдет и все раскроется.

Он обвинит меня в домогательствах, в нарушении врачебной этики! Что будет со мной? Да, плевать. Другой вопрос более важен для меня: что будет тогда с клиникой?

Игорь Михайлович мне этого не простит.

Пока мысли проносятся в моей голове со скоростью ветра, я перестаю слышать окружающих и замечать что-либо вокруг.

- Света, - вздрагиваю от требовательного голоса свекра.

Перевожу на него рассеянный взгляд и тут же снова ищу в толпе Назарова. Он исчез.

- Что с тобой? – свекор наклоняется и зло шипит мне на ухо. – Приди в себя!

- Прости, Игорь, мне надо освежиться, - разворачиваюсь и бреду к крытой террасе, по пути подхватив с подноса шампанское. Перед взглядом размытым пятном проносится ошеломленное лицо свекра. Таких больших глаз я у него еще не видела.

Стеклянные двери в спасительную темноту открываются передо мной, я уже ощущаю дуновение холодного осеннего ветра на своем разгоряченном лице.

- Здравствуйте, доктор, - хриплый голос заставляет меня остановиться и развернуться к его хозяину. Рядом с огромной колонной стоит он, Назаров Артем Юрьевич. Мой ночной кошмар и моя самая страшная тайна.

Сейчас игра света и тени делает его похожим на полубога–полудемона.

- Здравствуйте, Артем Юрьевич, - пытаюсь мило улыбнуться, но выходит плохо.

Сердце сжимается, легкие горят огнем, я, кажется, забыла, как дышать.

- Ищите здесь новых доверчивых больных, которые могут клюнуть на медовые речи? – его слова жалят, а карие глаза цепко следят за мной. Мне кажется, он ждет чего-то.

- Артем! – нас прерывают.

- Здравствуй, Дима, - не вижу радости на лице Назарова.

Довольно молодой человек выходит на свет и, коротко поздоровавшись с Назаровым, обращает внимание на меня.

- Представишь меня своей спутнице? - ловлю на себе заинтересованный мужской взгляд, получаю игривую улыбку.

- Это Светлана Александровна Воронцова, врач и совладелец клиники «Эскулап». Работе отдается полностью, практикует индивидуальный подход к пациентам.

Его слова бьют словно пощечина. Отшатываюсь, но стараюсь взять себя в руки. Чувствую, как щеки заливают румянец.

- О, неужели? – Дмитрий заинтересованно смотрит на меня. – Вы так молоды, а уже совладелец! Нужен большой опыт...

- Не переживай, Светлана Александровна – опытная женщина... врач, - подчеркнутая пауза придает его словам мерзкую двусмысленность.

- Я много слышал о вашей клинике. Позвольте предста-

виться, раз уж Артем не спешит. Демидов Дмитрий Васильевич – главный архитектор города. Надумаете расширяться, сразу звоните мне, я вам подыщу отличное место, - он галантно наклоняется и целует кисть моей руки. Его взгляд обещает мне не только отличное место, но и еще кое-что вдогонку.

- Дима, это не твоя жена идет к нам?

Моя рука стремительно сиротеет и безвольно падает вниз, мужчина резко выпрямляется и затравленно оглядывается.

- Простите, - почти шепчет он и удаляется.

Злость поднимается со дна моей души. Да кто он такой, чтобы говорит гадости мне и обо мне?

- Думаю, нет смысла спрашивать о вашем здоровье? – бросаю ему в ответ.

- Почему же? – замечаю опасный блеск в его глазах. – Вам не интересно, что со мной было, когда я очнулся?

Хороший вопрос. Чертовски правильный.

- Нет, не очень, - гордо вскидываю подбородок. – Вы были предоставлены заботам отличных специалистов.

Пока он прямо не скажет мне о том, что все помнит, буду избегать этой темы. Может, все и не так плохо?

- Не сомневаюсь, - его взгляд леденеет, глаза сужаются, даже слабая тень улыбки исчезает. – А что вы скажите на это?

Поставив бокал на широкий подоконник, он лезет в карман. Что он может мне показать? Судорожно вспоминаю,

могла ли я что-то забыть в его квартире? Не думаю. Но шанс есть всегда. Замираю в ожидании.

Он достает смартфон и разворачивает экраном ко мне. Забываю, как дышать, грудь сжимает стальной хваткой. Сердцу тесно внутри.

На экране те самые злосчастные фото с дежурства, когда ему стало плохо. Хуже только то, что их больше, чем три. Намного больше. Если быстро листать, вполне можно просмотреть слайд-шоу. Со мной в главной роли.

Примечательно то, что на фото не видно никого кроме нас, даже дежурной медсестры. Только развратный доктор и жаждущий или совращенный пациент, это с какой стороны посмотреть.

- Это можно отнести к заботам специалиста? Или я не все оплатил по прейскуранту? – хриплый голос сочтется ядом. – Я почти вам поверил, а вы не просто дерьмовый врач, но еще и отличная порноактриса.

Я вспыхиваю, словно спичка. Щеки заливают краска стыда, унижения и злости. Не задумываясь, размахиваюсь. В тишине пустой террасы раздается звонкий хлопок. Правую ладонь пронзает миллиард острых игл, боль растекается по руке.

На щеке Артема Юрьевича ярко расцветает след от моей пощечины.

Я не собираюсь больше здесь оставаться, хватит. Делаю шаг в сторону, собираясь обойти его.

Не успеваю с ним поравняться, как крепкая ладонь обхватывает мое запястье. В нос ударяет терпкий запах его одеколona и тела. Задыхаюсь от нахлынувших чувств и воспоминаний.

- Уже уходите? Я думал, вам нравится быть на пике... событий.

Ну, это уже слишком. Снова замахиваюсь, только на этот раз он перехватывает мою руку.

- Не стоит злоупотреблять, Светлана... Александровна, я могу и ответить, - его голос опускается до пугающего шепота.

- Так попробуйте, - вызывающе вскидываю голову и зло смотрю в его глаза.

Он резко дергает меня за руки, я практически впечатываюсь в крепкое тело, от чего у меня из легких выбивает воздух. Не успеваю ничего сказать. Его губы жадно и страстно впиваются в мои.

Это не похоже на те поцелуи, сейчас он целует меня со всей страстью и злостью, на которые способен. Дико, безумно, больно.

Он сминает мои губы, терзает их. Его язык проходит по кромке, а следом он прикусывает мою нижнюю губу.

Я пытаюсь оттолкнуть его, но ничего не выходит, это как сражаться с горой. Да как он смеет, так поступать со мной? Кто дал ему право?

Злость затмевает разум, вместе с тем по телу прокатывается волна жара и собирается внизу живота. Между ног на-

чинает пульсировать жидкий огонь желания. Черт, это очень нехорошо.

Не знаю, что должно было слететь с моих губ: протест или стон, но он тонет в жарком поцелуе.

- Милый, ты не представишь нас? – из-за широкой спины Артема появляется миниатюрная яркая брюнетка.

Глава 11

Он отпускает меня. Я судорожно вздыхаю и делаю шаг назад.

Миниатюрная брюнетка кладет хрупкую ладошку на крепкое мужское плечо и заинтересованно разглядывает меня. Ее взгляд сканирует, задерживаясь на бриллиантах Марты и на вырезе моего платья.

Сама она выглядит просто великолепно. Тонкая талия, практически девичьи формы, идеальный разрез глаз и форма носа. Губы, на мой взгляд, пухловаты. Но, тем не менее, ее хирургу надо отдать должное. Она красotka.

Мне кажется, или Назаров недовольно морщится, но быстро берет себя в руки?

- Марина, это Светлана Александровна, совладелец «Эскулапа», Светлана Александровна – это Марина... моя жена.

Последние слова даются ему с трудом, он подхватывает пузатый бокал и делает большой глоток.

А я, я сглатываю ставшую вязкой слюну. В ушах эхом отдается его фраза: жена, жена. Он женат. Хочется стонать, но я могу лишь стараться мило всем улыбаться.

- Ты же не пьешь, дорогой? – удивляется женщина, забавно округлив глаза.

- Это яблочный сок, - парирует он.

- Да? – вскрикиваю я. Слишком искренне, слишком по-

рывисто. – После вашего лечения в нашей клинике, мне почему-то казалось, что вы не против выпить.

Теперь на меня смотрят две пары удивленных и заинтересованных глаз.

- Дорогой, - щебечет брюнетка, - я чего-то не знаю?

- Простите, - стараюсь выпутаться из неловкой ситуации.
– Мне пора.

Не слушая прощаний и всего, что они могут мне сказать, бросаюсь в зал.

Бал в самом разгаре.

Под классическую музыку по паркету кружат пары в ритме вальса.

Проскальзываю между людьми, мне срочно надо побыть одной и успокоится. И желательно подальше отсюда.

Не успеваю вырваться в холл, как ощущаю стальную хватку на своем запястье. Опять! Черт!

Разворачиваюсь, и слова застревают у меня в глотке.

Прямо на меня, не мигая, смотрят холодные голубые глаза. От них меня начинает знобить.

Через левую щеку Витали проходит едва заметная белесая отметина – зарубцевавшийся след от моих ключей.

- Далеко собралась, птичка? – его губы расплываются в мерзкой многообещающей улыбке. Его слова совсем не вяжутся с угрожающим тоном голоса.

Сглатываю и быстро осматриваюсь. В холле практически пусто: пара официантов проносится с подносами, лакей со-

проводит даму к лифту.

- Виталя, что тебе от меня надо? – пытаюсь вырвать свою руку, но безуспешно.

- Ты, птичка! Надеюсь, что подо мною ты будешь так же стонать, как и под Димой на тех записях, - он наклоняется ниже и его горячее дыхание обдает кожу на виске.

- Каких записях? – я ничего не понимаю.

- На записях вашего домашнего порно, - мерзкая улыбка расплывается по его лицу.

- Ты бредишь? Мы никогда...

- Может, ты не знаешь? А вот Дима все записывал...

- Иди к черту! Дима бы никогда не стал такое делать ни с моего согласия, ни тем более без! – практически кричу ему в лицо.

Вместо новой порции злости и дерьма, Виталя наклоняет голову на бок и задумчиво смотрит на меня.

- Ты права, не стал бы и не делал. Но я так надеялся найти что-то подобное, - он облизывает губы, совсем как хищник.

- Представь, как бы было здорово трахать тебя под ваше домашнее порно?

- Ты больной...

- Я самец и охотник, - прерывает он меня. – Мне нравится играть с... добычей, перед тем как насладиться ей. Это разжигает аппетит.

Он наклоняется еще ближе, его губы едва касаются моей кожи. Ощущаю, как его мерзкий влажный язык облизывает

мою щеку.

Пытаюсь вырвать руку, но он крепко держит.

- Я продрочил почти всю ночь, когда ты убежала от меня, птичка, - язык забирается мне в ухо. Мое тело передергивает от отвращения.

А Виталию это только заводит. Он практически впечатывает меня в стену, сквозь невесомую ткань платья и его брюки ощущаю весь ужас ситуации. У него стояк.

Мозг судорожно ищет решения и если не придумает, есть вероятность, что меня трахнут прямо здесь.

- Я буду кричать, - выдаю первое, что приходит в голову.

- Я люблю, когда кричат.

Что-то настораживает меня в его тоне и холодных глазах. Огромный зрачок. Как я не сообразила сразу. Он обдолбался!

Его рука ложится на мою задницу и пытается задрать платье. Бедрами он прижимается ко мне и покачивается, будто уже трахает.

Поднимаю ногу и со всей дури бью мужчину в пах. В тишине холла раздается сдавленный вой.

Руки Витали соскальзывают с меня и устремляются к самому дорогому для мужчины.

Я бросаюсь бежать. Позади слышу возню и шум. Погоня!

Выбегаю к площадке перед лифтом и заскакиваю в не успевшую закрыться кабинку. Нарядные гости с презрением и удивлением смотрят мне вслед. Плевать.

Судорожно жму на кнопку. Быстрее, быстрее. Закрываюсь, черт возьми. Из коридора раздается звук быстрых тяжелых шагов.

Черт! Быстрее! Луплю по кнопке. Двери вздрагивают и начинают закрываться. В стремительно сужающуюся щель успеваю заметить огромную тень, подбежавшую к лифту.

Сердце гулко стучит у самого горла, в ушах шумит.

Лифт плавно останавливается, мелодичная трель возвещает о прибытии, выскакиваю наружу, попутно сбивая кого-то с ног. Вслед мне летят брань и что-то еще. Некогда разбираться. На ходу бросаю извинения и, не оглядываясь, бросаюсь в вестибюль.

Черт! Только не это! Это не первый этаж! Чертов лифт остановился на каком-то этаже подобрать гостей. Черт, черт!

Бегу назад к лифту, в исступлении жму на кнопку. Табло говорит мне о том, что лифт едет вверх и ждать его скоро бессмысленно.

Оглядываюсь, стараясь сориентироваться. Запасная лестница. Отлично! Только бы она не была заперта. Подбегаю к двери.

Не знаю, что останавливает меня в порыве распахнуть дверь и бросится вниз. Я тихонько надавливаю на ручку и заглядываю в крошечную щель. На меня обрушивается грохот чьих-то шагов, несущихся по лестнице.

Отступаю на полшага назад и не дышу. Дверь бесшумно захлопывается, а за ней проносится кто-то крупный и, без

сомнения, злой.

Тревога сдавливает грудь, кровь стучит в висках, дышу рвано и часто.

Выжидаю. Осторожно открываю дверь на лестницу и прислушиваюсь. Где-то внизу громко хлопает дверь, и все затихает.

Тенью выскальзываю на лестницу и прижимаюсь к стене.

Все тихо. Сбрасываю туфли, подхватываю их одной рукой, а длинный подол сгребаю в другую руку. Быстро спускаюсь по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

Едва успеваю остановиться на площадке первого этажа, как меня осеняет. У меня в клатче лежат ключи от рендж ровера свекра.

Бросаюсь по лестнице вниз. Темная стоянка скупо освещена бледными лампами.

Едва ноги касаются ледяного бетона, надеваю обратно туфли. Бегу мимо рядов с дорогими иномарками. Вот дура, надо было ехать на своей, а не надеяться на хороший вечер.

Цокот каблучков гулко разносится под сводами подземной парковки. Где же эта чертова тачка? Куда Игорь мог ее припарковать?

На ходу пытаюсь нащупать в клатче ключи. Блин, блин, блин! Ключ выскальзывает из моих рук и падает на пол. Содержимое разлетается во все стороны. Я падаю на колени, судорожно сгребая свои вещи. Плевать на помаду и пудреницу. Ключи, бля, где ключи?

Пока я в колено-локтевой позе заглядываю под машины, кто-то спускается на стоянку. Лифт мелодично сообщает мне об этом.

Замираю на карачках, гулко сглатываю.

В тишине парковке отчетливо слышу шелестящие шаги. Осторожные, но неумолимо приближающиеся.

Замечаю так необходимые мне ключи, ложусь на бетонный пол, стараясь до них дотянуться. Есть!

Теперь осталось найти машину!

Шаги замирают. Может, это не Виталя? Может, кто-то из гостей решил уехать с вечера?

Слабая надежда разбивается, когда мужчина начинает исследование

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.